

С-65
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Сектор новой и новейшей истории
отдела исторических и культурных взаимоотношений
советского и зарубежного Востока

На правах рукописи

УДК 323(47 + 57:55) 1947.06 «17»

СОТАВОВ

Надыр-паша Алыпкачевич

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В РУССКО-ИРАНСКИХ
И РУССКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ
XVIII ВЕКА
(ОТ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ДОГОВОРА
ДО КЮЧУК-КАЙНАРДЖИЙСКОГО МИРА:
1700—1774 г.)

Специальность — 07.00.03 — Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва — 1989

Работа выполнена в отделе исторических и культурных взаимоотношений советского и зарубежного Востока Института востоковедения Академии наук СССР.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор **ЛАЗАРЕВ М. С.**
доктор исторических наук, профессор **НЕКРАСОВ Г. А.**
доктор исторических наук, заслуженный деятель науки ДАССР
ШИХСАИДОВ А. Р.

Ведущая организация: Институт истории СССР АН СССР.

Защита состоится «22» декабря 198 9 г. на заседании специализированного совета Д.003.01.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук по всеобщей истории при Институте востоковедения Академии наук СССР.

Адрес: 103031, Москва К-31, ул. Жданова, д. 12.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института востоковедения АН СССР.

Автореферат разослан «25» октября 198 9 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
кандидат исторических наук

И. С. Ключков

© Институт востоковедения АН СССР, 1989

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Кавказ, расположенный между Черным, Азовским и Каспийским морями, Юго-Восточной Европой и Передней Азией, издавна играл важную роль в стратегических планах соседних держав — шахского Ирана, султанской Турции и царской России. По словам К. Маркса, эта роль Кавказа определялась его географическим и стратегическим положением. Подчеркивая, что господство над устьем Дуная и Кавказом определяет принадлежность Черного моря, он заключает: «Обладание Кавказскими горами непосредственно обеспечивало господство над Трапезундом, а благодаря её господствующему положению в Каспийском море — и над северным морским побережьем Персии»¹.

Не случайно этот регион, где сталкивались интересы указанных стран, стал ареной борьбы за господство между ними свыше трёх столетий. Решающий этап в этой борьбе наступил в XVIII в., когда кавказская проблема, став частью восточного вопроса, приобрела международный характер. Важное место в реализации политики противоборствовавших сторон имел Северный Кавказ, где пролегали главные коммуникации, связывавшие Черное море с Каспием, Юго-Восточную Европу с Передней Азией, ведущие в Закавказье и на Ближний Восток.

Борьба за овладение Северным Кавказом в XVIII в. шла с переменным успехом: первая четверть века ознаменовалась свержением владычества Ирана народами Кавказа, усилением позиций России и Турции, разделом между ними кавказских земель и прикаспийских областей; вторая — ослаблением позиций России и Турции, временным усилением, но затем крушением влияния Ирана; третья — завершением борьбы между Россией и Турцией, поэтапным присоединением территорий региона к Российскому государству.

Из сказанного следует, что всестороннее и углублённое изучение истории народов Северного Кавказа, особенно её внешнеполитического аспекта, остается актуальной задачей

¹ Маркс К. Лорд Пальмерстон//К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 408.

исторической науки¹. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена тем, что без глубокого анализа кавказской политики соперничавших держав, выявления места и роли Северного Кавказа в стратегических планах России, Ирана и Турции невозможно целостное освещение исторического прошлого северокавказских народов, славных традиций освободительной борьбы против иноземных завоевателей. Такая постановка и решение проблемы дают возможность глубже раскрыть сложную картину русско-иранских и русско-турецких отношений на Северном Кавказе, основные вехи взаимодействия народов региона с другими народами Кавказа и с Россией в борьбе против агрессивных восточных держав на переломном этапе исторического развития — XVIII в. Особую актуальность приобретает исследование российско-северокавказских отношений, отразивших общие тенденции и характерные особенности развития процесса вхождения горских народов в состав России.

Освещение узловых вопросов темы диссертации в свете методологических положений основоположников марксизма-ленинизма по восточному вопросу и достижений советской историографии представляет значительный интерес в свете требований XXVII съезда КПСС и XIX Всесоюзной партийной конференции в национальной политике: воспитывать советских людей в духе патриотизма и интернационализма, непримиримости к проявлениям национализма и шовинизма, беречь как зеницу ока братство и дружбу наших народов².

Объект исследования. В диссертации исследуется проблема русско-иранских и русско-турецких отношений на Северном Кавказе от Константинопольского договора до Кючук-Кайнарджийского мира (1700—1774 гг.). Хронологические рамки диссертации, совпадающие с решающим этапом многолетней борьбы Ирана, Турции и России за овладение Северным Кавказом, обусловлены тем, что Константинопольский договор 1700 г. официально закрепил признание Азова за Россией, что означало шаг вперед в решении южной проблемы, закрытии основного канала османо-крымской агрессии против народов Северного Кавказа. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. вернул Кабарду, Карачай и Балкарию в состав России, закрепил подданство Северной Осетии и Ингушетии, создал предпосылки для присоединения к ней Чечни в 1781 г., Дагестана в 1813 г., а, следовательно, и за-

¹ См.: История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 18.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 54, 156, 157; Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. М., 1988. С. 60, 135.

вершения длительного процесса присоединения Северного Кавказа к России.

Степень изученности проблемы. Тема диссертации, как предмет специального исследования, до сих пор не изучалась, хотя некоторые аспекты этой проблемы нашли отражение в обобщающих трудах по истории Кавказа, отдельных кавказских республик, внешней политики России, взаимоотношений с ней народов региона, политики противоборствовавших сторон, международных отношений Ближнего и Среднего Востока. В этих исследованиях, осветивших отдельные стороны кавказской проблемы, различной степени анализа подверглись стратегические цели, основные направления и итоги кавказской политики соперничавших сторон, но тема диссертации, как единая взаимосвязанная проблема, в них не рассматривалась.

Цель исследования. Цель диссертационной работы состоит в том, чтобы выявить истоки, характер и стратегические цели политики России, Ирана и Турции на Северном Кавказе в XVIII в., определить место и роль Северокавказского региона в русско-иранских и русско-турецких отношениях изучаемого периода, подвести итоги их военно-дипломатической борьбы за овладение Северным Кавказом в указанный период, осветить факторы, способствовавшие качественному сдвигу во внешнеполитической ориентации северокавказских народов в сторону России, решившие в итоге проблему присоединения этих народов к Российскому государству.

Задачи исследования. В рамках поставленной цели в диссертации ставятся следующие задачи:

— выяснить стратегические цели, основные направления и этапы кавказской политики России, Ирана и Турции в рассматриваемый период, методы и средства их достижения на Северном Кавказе;

— показать освободительную борьбу народов Северного Кавказа как решающий фактор влияния на кавказскую политику противоборствовавших сторон и внешнеполитическую ориентацию местных правителей и старшин;

— выявить место и роль Северного Кавказа в русско-иранских и русско-турецких отношениях XVIII в., основные этапы формирования и развития российско-северокавказских отношений;

— выяснить предпосылки и причины качественного сдвига во внешнеполитической ориентации северокавказских народов в сторону России, их поэтапного присоединения к Российскому государству;

— раскрыть последствия влияния западных держав на

формирование и проведение кавказской политики Ирана и Турции, антироссийский характер и враждебную направленность их деятельности против народов Северного Кавказа;

— охарактеризовать источники и историографию проблемы как исходную базу, необходимую для отбора фактического материала, содержащегося в трудах дореволюционных отечественных и зарубежных и современных буржуазных исследователей;

— подвергнуть критике антинаучные фальсификаторские измышления зарубежных и отечественных дореволюционных авторов касательно политики противоборствовавших сторон в регионе, освободительной борьбы северокавказских народов и роли России в исторических судьбах народов Кавказа.

Методологическая и теоретическая основа исследования. Методологической и теоретической основой диссертации послужили труды основоположников марксизма-ленинизма, содержащие глубокий анализ внешней политики России, Ирана, Турции, Англии и Франции, особенно в восточном вопросе и кавказской политике упомянутых стран. К. Маркс, касаясь усиления активности европейской и восточной политики России при Петре I, обеспечившей выход на побережья Балтики и Каспия, особо выделил объективные факторы, вызвавшие необходимость проведения такой политики. По словам Маркса, «ни одна великая нация», «ни одна великая держава» не существовала и не могла существовать в такой изолированности от морей, в какой находилась Россия в начале царствования Петра I, не могла примириться с тем, что «ее берега и устья рек были оторваны от неё... Петр, по крайней мере, завладел лишь тем, что было абсолютно необходимо для естественного развития его страны»¹.

Такое же значение имеют оценки Маркса, касающиеся русско-турецких войн, развязанных Портой под влиянием западных держав. В войне 1735—1739 гг., отмечал Маркс, «Россия снискала большую военную славу», удержала часть Азова, установила пограничную линию, представившую «русским благоприятную возможность во всякое время расширить свою обширную империю в южном направлении за счёт турок и татар»². Касаясь русско-турецкой войны 1768—1774 гг., он прямо указывает, что «Франция, правда, побудила (в 1768 г.) Турцию начать войну против России,

но она сделала это лишь для того, чтобы, как обычно, предать Турцию»¹. Подводя итог этой войне, Маркс заключает, что по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору «Россия отдала обратно все свои завоевания, за исключением Азова и некоторых других мест, но получила право свободного плавания по Черному и Мраморному морям наряду с беспрепятственным проходом через Дарданеллы, освободила от турецкого господства татарские земли у Черного моря (независимость Крыма), в некотором смысле отделила Молдавию и Валахию от Турции, в то время как она предавалась тщетным надеждам на получение помощи от Франции»².

Столь же важны для освещения темы диссертации основополагающие выводы Энгельса, касающиеся последствий восточной политики России для бассейна Черного моря и Каспия, Поволжья и Центральной Азии, и В. И. Ленина — политики Петра I и его преемников на Кавказе и в прикаспийских областях. «Чем больше я размышляю над историей, — подчеркивал Энгельс, — тем яснее становится, что... Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... Господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»³. Обобщая кавказскую политику царизма за 13 лет, когда значительная часть Дагестана и Ширвана, Мазендара, Астрабад и Гилян входили в состав России, Ленин писал: «1722—3: Петр Великий завоевал Дербент, Баку, Решт и большую часть Гиляна (провинции Персии на северо-западе, около Каспийского моря).

1735 — Гилян, Дербент, Баку снова возвращаются Персии»⁴.

Глубокий анализ классиками марксизма-ленинизма комплекса вопросов восточной (кавказской) политики соперничавших держав дает ключ к пониманию сущности явившихся следствием этой политики событий политического, дипломатического и военного характера, составивших стержень исследуемой проблемы.

Важное значение для правильного освещения означенного круга вопросов имеют рекомендации руководящих деятелей

¹ Marx K. Secret Diplomatic History of the Eingleenth Century. London, 1889. P. 87.

² Маркс К. Материалы к полемике с Питером Фоксом. 1716—1848 // Архив Маркса и Энгельса. Т. 14. С. 365.

¹ Маркс К. набросок речи об отношении Франции к Польше // Там же. С. 355.

² Маркс К. Материалы к полемике с Питером Фоксом // Там же. С. 395.

³ Энгельс — Марксу, 23 мая 1851 г. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 240—241.

⁴ Ленин В. И. Тетрадь материалов о Персии // Полн. собр. соч. Т. 28. С. 704.

КПСС, касающиеся методологических принципов подхода к историческим исследованиям в свете современных требований¹. Принципиальные исходные положения по отдельным аспектам темы диссертации содержатся в работах академиков Нарочницкого А. Л. и Тихвинского С. Л., посвященных задачам исторической науки в современных условиях².

Научная новизна диссертации определяется тем, что проблема русско-иранских и русско-турецких отношений на Северном Кавказе в XVIII в. до сих пор не стала предметом специального изучения в отечественной и зарубежной историографии. Данная диссертация представляет первую попытку научного анализа событий, обусловленных политикой Ирана, России и Турции в регионе, без чего невозможно проследить ход реализации их стратегических планов, основные этапы наступления на Северный Кавказ, истоки формирования и развития восточного вопроса в целом. На основе методологических положений, содержащихся в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, диссертант стремился дать развернутое освещение политики соперничавших сторон в регионе в свете военно-дипломатических и политических событий на Кавказе, Ближнем и Среднем Востоке. В работе предпринята попытка проблемного анализа русско-иранских, русско-турецких и ирано-турецких отношений в русле кавказской политики противоборствующих сторон, установления основных этапов её реализации на Северном Кавказе. Рассматривается пособническая роль Англии, Франции, Швеции и Пруссии правящим кругам Ирана, Турции и Крыма в их стремлении поработить народы Кавказа, не допустить продвижения России на Восток. Отмечается прогрессивное значение успешного развития процесса присоединения северокавказских народов к России, специфическое отношение к этому процессу со стороны различных классов и групп местного населения. В диссертации дан обстоятельный анализ источников и историографии пробле-

¹ Октябрь и перестройка: революция продолжается. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, 2 ноября 1987 года // Коммунист, 1987. № 17. С. 25; Революционной перестройке — идеологию обновления. Речь Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на Пленуме ЦК КПСС 18 февраля 1988 г. // Коммунист, 1988. № 4. С. 16.

² Нарочницкий А. Л. Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI — 70-е годы XX века). Грозный, 1982. С. 27—28; Тихвинский С. Л. Январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС и историческая наука // Вопросы истории, 1987. № 6. С. 4, 6, 10.

мы, указаны достижения советской исторической науки в этой области.

Практическая ценность диссертации состоит в том, что приведенный в ней фактический материал и выводы автора могут быть использованы для чтения спецкурса по истории русско-иранских и русско-турецких отношений на Северном Кавказе, составления учебного пособия по этой проблеме, в многотомной истории народов Северокавказского региона. Основные вопросы, поставленные и исследованные в диссертации, могут стать теоретической базой для дальнейшей углубленной разработки внешнеполитической истории народов Кавказа, международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке, начальной стадии зарождения восточного вопроса. Материалы диссертации могут быть использованы в учебных курсах по новой истории стран Азии и Африки, внешнеполитической истории России, Ирана и Турции, служить подспорьем для проведения пропагандистской работы по интернациональному и патриотическому воспитанию.

Апробация работы. Исследуемая проблема в качестве темы докторской диссертации рекомендована кафедрой всеобщей истории Дагестанского госуниверситета им. В. И. Ленина в сентябре 1980 г. и утверждена отделом исторических и культурных взаимоотношений советского и зарубежного Востока Института востоковедения АН СССР в ноябре того же года. Отдельные положения диссертации и некоторые результаты исследования отражены в выступлениях автора на Всесоюзной конференции историков-востоковедов (Звенигород, декабрь, 1985 г.) и на Региональной конференции историков Северного Кавказа (Махачкала, ноябрь, 1987 г.). По вопросам, связанным с темой диссертации, диссертант выступал на всех итоговых университетских конференциях. Доклады и сообщения автора на упомянутых конференциях, опубликованные в качестве их материалов, нашли положительный отклик среди специалистов востоковедов и кавказоведов. Часть проблемы в качестве спецкурса читалась студентам истфака Даггосуниверситета в 1968—1972 гг., в полном соответствии с темой диссертации читается с сентября 1987 г. По теме диссертации опубликован ряд статей в центральных и местных изданиях объемом более 10 п/л., депонирована монография 418 стр. машинописного текста. Принята к печати ГРВЛ монография в 15 авт. л.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованных источников и литературы. Общий объем — 395 страниц машинописного текста.

Содержание и выводы исследования. Во введении обоснованы актуальность и новизна темы, определен объект исследования, указаны цели и задачи диссертации, ее методологическая и теоретическая основы, степень разработанности проблемы, теоретическое и практическое значение работы.

В первой главе — «Источники и историография проблемы» дан анализ различных источников (архивные документы, опубликованные документальные материалы, летописные хроники, путевые заметки, мемуары, материалы рукописных фондов), рассмотрены основные направления советской, отечественной дореволюционной и зарубежной историографии с оценкой концептуальных суждений наиболее типичных их представителей.

Ведущее место среди источников заняли документы различных фондов Архива внешней политики России (АВПР), Центрального государственного военно-исторического архива СССР (ЦГВИА), Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), Центрального государственного архива Дагестанской АССР (ЦГА ДАССР), Центрального государственного исторического архива Грузинской ССР (ЦГА Груз. ССР), материалы Института рукописей АН Груз. ССР и рукописного фонда Института ИЯЛ Дагфиллиала АН СССР.

Извлеченные из этих фондов документы, большинство которых впервые вводится в научный оборот (дипломатическая переписка противоборствующих сторон по кавказским делам, обращения к владельцам и старшинам Северного Кавказа, переговоры и соглашения с ними о подданстве, указы командующим на Кавказе, в прикаспийских областях и в Крыму, их рапорты своим правительствам, инструкции, ноты, реляции дипломатическим представителям в Стамбуле, Исфахане, Бахчисарае, Петербурге, Лондоне, Париже и их ответные донесения), составляют единый комплекс источников, дающий возможность выявить место и роль Северного Кавказа во взаимоотношениях России, Ирана и Турции, их стратегические цели, методы и средства решения тактических задач, предпосылки и причины все возраставшей ориентации северокавказских народов в сторону России.

К подобного рода источникам, включающим тексты русско-иранских и русско-турецких договоров, сведения о взаимоотношениях России с Ногайской Ордой, Адыгеей, Кабардой, Черкесией, Чечней, Ингушетией, Дагестаном, об антироссийской деятельности западноевропейской дипломатии, относятся документы, опубликованные в различных изданиях: Акты, собранные кавказской археографической комиссией (АКАК. Тифлис, 1866—1885. Т. 1, 2, 3, 4, 6. Ч. 2);

Архив российского государственного Совета (АРГС. СПб., 1869. Т. 1); Архив князя Воронцова (М., 1870—1872. Кн. 1, 2, 3, 19, 25); Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869); Кавказский сборник (Тифлис, 1886—1896. Т. 10, 14, 20); Сборник сведений о кавказских горах (ССКГ. Тифлис, 1869—1876. Вып. 2, 5, 7); Сборник сведений о Северном Кавказе (СССК. Тифлис, 1908—1913. Т. 1, 7, 12); Сборник императорского русского исторического общества (Сб. РИО. СПб., 1881—1898. Т. 5, 35, 48, 50, 52, 64, 66, 75, 76, 80, 81, 87, 96); Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (ПСЗ). СПб., 1830. Т. 4, 6, 7, 8, 10, 12, 19) и др.

Наиболее полной публикацией документов послеоктябрьского периода являются материалы о кабардино-русских, русско-дагестанских, русско-осетинских, грузино-северокавказских отношениях, содержащие многочисленные источники экономического, политического, дипломатического и военного характера¹. Ценные материалы о политике иранских шахов и турецких султанов опубликованы в оригиналах и копиях с переводом текстов на грузинский язык².

В качестве наиболее ранних источников выступают хроники османских придворных историографов Мехмеда Рашида, Исмаила Асыма, Сами, Шакира и Субхи, отразившие отдельные страницы русско-иранских и русско-турецких отношений, донесения турецких командующих в Стамбул, взаимоотношения дагестанских владетелей с Портой, попытки Ирана и Турции превратить Северный Кавказ в стратегический плацдарм, крах завоевательных походов Надир-шаха³. Из всех турецких источников богаче по содержанию работа Ф. Р. Уната, основанная на донесениях османских послов из столиц аккредитованных стран (Петербург, Париж, Лондон, Стокгольм), об их политике на Кавказе, русско-турецких, русско-крымских и русско-иранских отношениях

¹ Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. Документы и материалы. В 2-х томах. Составитель Букалова В. М. М., 1957. Т. 2 — XVIII в.; Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Составитель Маршаев Р. Г. Махачкала, 1958; Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сб. док. В 2-х томах. Составитель Блиев М. М. Орджоникидзе, 1976. Т. 1 (1742—1762), 1984. Т. 2 (1763—1781); Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом. Составитель Гамрекли В. М. Тбилиси, 1968.

² Персидские исторические документы в книгохранилищах Грузии. — Тбилиси, 1974. Вып. 4.

³ Рашид Мехмед. Тарихи Рашид Эфенди. Стамбул, 1553/1740. Т. 2. С. 98; Асым Исмаил. Тарихи Челеби-заде. Стамбул, 1153/1741. Т. 1. С. 88—89; Сами, Шакир ве Субхи тарихи. Стамбул, 1198/1783. С. 37, 76—78, 219—221.

со времени похода Петра I до конца русско-турецкой войны 1768—1774 гг.¹

Среди персидских источников XVIII в. наиболее содержательны написанные в духе панегирика Надир-шаху сочинения современников Мехди-хана Астрабади и Мухаммада-Казима, содержащие подробные сведения о военно-политических событиях на Кавказе, политике соперничавших держав, завоевательных походах Надир-шаха в Дагестан и Ширван, поражении иранских войск, падении их морального духа, попытках Порты воспользоваться этим в своих гегемонистских целях².

Значительное место в освещении отдельных вопросов темы диссертации заняли русские источники. Наиболее ранние из них — «Записки» русского посла в Стамбуле П. А. Толстого, «Журналы» русского посла в Иране А. П. Волинского и члена того же посольства А. И. Лопухина содержат подробный анализ политической обстановки в Дагестане, прикаспийских областях и Иране, состояния вооруженных сил и крепостей, сухопутных и водных коммуникаций, внешнеполитической ориентации местных владетелей и старшин, рекомендации по реализации намеченных планов, характеристики деятельности османской и западноевропейской дипломатий³.

Часть русских источников в виде «Описаний», «Известий», «Материалов» и извлечений из «Путешествий» отразила широкий круг вопросов, связанных с освободительной борьбой народов Кавказа против владычества Ирана и Турции, подготовкой и проведением похода Петра I, противодействием этому со стороны западных держав, стратегическими замыслами противоборствовавших сторон. Среди них — сочинения непосредственных участников и очевидцев событий Ф. И. Соимонова, И. Г. Гербера, И. Я. Лерха и др.

«Описание» Ф. И. Соимонова отличается не только наличием материала об экспедициях на побережье Каспия

и похода Петра I, но и признанием истинных целей русского двора, прикрывавшего эти цели официальной версией «о пользе общих торгов»¹. В «Известиях» И. Г. Гербера запечатлены важнейшие военно-политические события в Кабарде, Чечне, Дагестане и Закавказье, конфликтные эпизоды русско-турецких отношений, яркие характеристики личностей и роли северокавказских владетелей в политических событиях края, их взаимоотношения с Ираном, Россией, Турцией, Крымом, вмешательство последних в кавказские дела². Сложное переплетение дипломатических, военных и иных усилий соперничавших сторон на Кавказе в 30—40-х гг. отразили записки И. Я. Лерха. В них сцены дипломатических переговоров чередуются с описаниями нашествий иранских, османских и крымских феодалов, военных столкновений между Россией и Турцией с одной стороны, Турцией и Ираном — с другой³.

Значительный фактический материал по теме сохранился в местных кавказских источниках, составленных очевидцами и современниками событий (Авраам Ереванци, Петрос де Гилянец, Акоп Шемахеци). Среди них — анонимная «Хроника» важнейших событий на территории Джаро-Белоканского союза «вольных» обществ, оказавшихся преградой на пути завоевательных походов иранских феодалов и гегемонистских устремлений османов на Кавказе. В ней немало страниц, свидетельствующих о поражениях иранских завоевателей, вмешательство Порты в кавказские дела, сношениях предводителей союзов с сопредельными странами⁴.

Интерес, проявленный к Кавказу в XVIII в., не угас и в последующий период. Среди русских источников XIX в. выделяются сочинения В. В. Комарова, П. Л. Юдина и П. Г. Буткова. Работа Комарова, составленная в виде материалов для написания истории Петра I, содержит сведения о занятии русскими войсками побережья Каспия, рус-

¹ Unat F. R. Osmanlı şefirleri ve sefaretnameleri. Tamamlayıcı yayımlayan prof. B. S. Baikal. Ankara, 1968. S. 59—89.

² Астрабади М. М. Джахонгоша-йе Надири. Тегран, 1341/1962. С. 17—18, 232—239, 260—277, 396—399, 405—406; Мухаммад-Казим. Нама-йи Аламара-йи Надири. Изд. текста и предисл. Миклухо-Маклая. М., 1960. Т. 1. С. 206, 336, 163, 164, 1986, 225, 278—280, 282—284, 324—326; 1961. Т. 2. С. 2786, 318, 320, 327; 1966. Т. 3. С. 127а, 1286, 129, 1306, 134, 1366, 137.

³ См.: Русский посол в Стамбуле Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в. М., 1985; Бушев П. П. Посольство Артемия Волинского в Иран 1715—1718 (по русским архивам). М., 1978; А. И. Лопухин. Журнал путешествия через Дагестан 1718 // История, география и этнография Дагестана. М., 1958.

¹ Соимонов Ф. И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории Государя императора Петра Великого // Ежемесячные сочинения об ученых делах. СПб., 1763, январь. С. 163.

² Гербер И. Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря, между Астраханью и рекой Курой, народах и землях и об их состоянии в 1728 г. // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. — СПб., 1760. Т. 6—12.

³ Лерх И. Я. Путешествие, продолжавшееся от 1733 по 1735 год из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря // Новые ежемесячные сочинения об ученых делах. СПб., 1790. Ч. 43, 44, 45; Известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию, от 1745 по 1747 год. // Там же. Ч. 50, 52, 53, 55, 58, 61, 62.

⁴ Хроника войн Джара XVIII столетия. Баку, 1931.

ско-иранских и русско-турецких переговорах и договорах, ирано-турецких войнах 1723—1725 гг.¹ Основанная на донесениях русских резидентов из иранского лагеря за Дербентом, работа П. Л. Юдина свидетельствует о героической борьбе народов Кавказа против владычества Надир-шаха, ставшей переломной в их внешнеполитической ориентации в сторону России². Трехтомный труд академика П. Г. Буткова, представляющий собой популярное изложение многочисленных документов, извлеченных из государственных и личных архивов, значительно расширяет данные других источников по интересующему нас кругу вопросов. Подробные сведения из области дипломатической и военно-политической истории Кавказа XVIII в. обуславливают незаменимость этого источника для изучения исследуемой проблемы³.

Непосредственное отношение к теме диссертации имеют европейские источники, написанные на опыте личных наблюдений. «История» польского миссионера Т. Я. Крушинского сохранила достоверные сведения о тяжёлых последствиях иранского гнёта на Кавказе, стремлении местного населения избавиться от этого гнёта при поддержке России⁴. «Письма» личного врача Надир-шаха француза Ф. Базена отразили наиболее кризисную фазу кавказской политики Ирана в 40-х гг. XVIII в. Представляют интерес сообщения автора о многочисленных сражениях и поражениях на Кавказе иранских войск, численность которых, по его наблюдениям, составляла 150 тыс. человек⁵. В «Очерке» английского торгового агента Дж. Ханвея заслуживают внимания сведения о походах Надир-шаха в Ширван и Дагестан, попытках Порты ослабить позиции Ирана на Кавказе путем выдвижения самозванных претендентов на иранский престол под видом «защиты» прав наследников Сефевидской династии⁶.

Историография проблемы изучена недостаточно, хотя литература на русском и иностранных языках количественно

¹ Комаров В. В. Персидская война 1722—1725 гг. (Материалы для истории царствования Петра Великого) // Русский вестник. М., 1867. Кн. 4. Т. 68.

² Юдин П. Л. Россия и Персия в конце 1742 г. (Из писем переводчика В. Братищева к канцлеру князю А. Черкасскому) // Русский архив. М., 1889. Кн. 1. Ч. 3.

³ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. — СПб., 1869. Ч. 1—3.

⁴ Крушинский Я. Т. Тарих-и сейях. Хужум-и афханийан ве инхилат-и бинайи довлет-и Шахан-и Сафевийан. Пер. М. Мутеферика. Стамбул, 1142/1729.

⁵ Базен Ф. Намэха-йе табиб-е Надершах. Пер. А. А. Харири. Техран. — 1380/1961.

⁶ Hanway J. A historical account of the British trade over the Caspian Sea. London, 1762. Vol. 1—2.

многообразна. Большой вклад в изучение отдельных вопросов темы внесли советские историки. Среди них проблему восточной политики России в довоенный период первыми подняли М. Н. Покровский, Г. А. Кокнев, В. П. Писарев, И. И. Лихницкий, Д. П. Раенко, Б. В. Скитский и др., подвергнувшие справедливой критике колониальную политику царизма, игнорируя, однако, прогрессивное влияние передовой России на судьбы народов Кавказа.

Советская историческая наука последующего периода обогатилась многими ценными исследованиями, написанными на базе широкого круга архивных и других материалов. Появление капитальных трудов по истории восточного вопроса, историографии внешней политики России и истории народов Северного Кавказа¹ — наглядное тому свидетельство. Из исследований наших ученых, имеющих непосредственное отношение к теме диссертации, выделяются труды В. П. Лыцова (Персидский поход Петра I 1722—1723 гг. М., 1951); Е. И. Дружининой (Кючук-Кайнарджийский мир: его подготовка и заключение. М., 1955); А. В. Фадеева (О характере внешней политики царизма во второй половине XVIII в. // Преподавание истории в школе, 1956. № 3); Т. Х. Кумыкова (Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. Нальчик, 1957); Е. П. Алексеевой, И. Х. Калмыкова, В. П. Невской (Добровольное присоединение Черкесии к России. Черкеск, 1957); В. И. Лариной (Основание Моздока и его роль в развитии русско-осетинских отношений // Изв. СОНИИ, 1957. Т. 19); Н. А. Смирнова (Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958); Н. Х. Тхамокова (Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII в. Нальчик, 1961); А. А. Саламова (Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом // Изв. ЧИНИЯЛ, 1963, Т. 3); Х. Х. Рамазанова, А. Р. Шихсаидова (Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964); В. Г. Гаджиева (Роль России в истории Дагестана. М., 1965); О. П. Марковой (Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966); В. К. Гарданова (Общественный строй адыгских народов: XVIII — первая половина XIX вв. М., 1967); М. М. Блнева (Русско-осетинские отношения: 40-е гг. XVIII — 30-е гг. XIX вв. Орджоникидзе, 1970); Т. Д. Боцвадзе (Народы Северного Кавказа в грузино-русских политических отношениях XVI—

¹ Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII — начало XX вв.). М., 1978; Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография. М., 1981; История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в. М., 1988.

XVIII вв. Тбилиси, 1974); Н. Г. Волковой (Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XIX вв. М., 1974); Н. К. Байбулатова, М. М. Блиева, М. О. Бузуртанова, В. Б. Виноградова, В. Г. Гаджиева (Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России // История СССР, 1980. № 5); Б. П. Берозова (Переселение осетин с гор на плоскость: XVIII—XIX вв. Орджоникидзе, 1980); Н. С. Киняпиной, М. М. Блиева, В. В. Дегоева (Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII — 80-е гг. XIX в. М., 1984); Р. М. Магомедова (Россия и Дагестан: Страницы истории. Махачкала, 1987); Б. Б. Кочекаева (Ногайско-русские отношения в XV—XVIII в. Алма-Ата, 1988) и др. В этих работах нашли освещение возросшая роль России в планах противоборствующих сторон, отдельные этапы формирования и развития российско-северокавказских отношений, причины и последствия русско-турецких и ирано-турецких войн, основные факторы, способствовавшие решению не только кавказской, но и черноморской проблемы в пользу России.

Существенное значение для освещения исследуемой проблемы имеют кандидатские диссертации А. И. Тамая, Ф. З. Феодаевой, Е. Д. Налоевой, Т. М. Феофилактовой, Я. З. Ахмадова, В. А. Сокурова, И. И. Якубовой, М. М. Хакуловой, Д. С. Кидырниязова и др., посвященные изучению взаимоотношений народов Северного Кавказа с Россией, её политики на Центральном и Северо-Западом Кавказе, освободительной борьбы против иранского, османского и крымского владычества¹. Статьи этих авторов, вышедшие после защиты диссертаций, развивают те же темы на основе новых данных. Новые материалы касательно походов иранских завоевателей в Джаро-Белоканы и Дагестан содержатся в статьях А. Н. Козловой².

¹ Тамай А. И. Провал захватнических планов шаха Надира в Дагестане. М., 1951; Феодаева Ф. З. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII — начале XIX в. Махачкала, 1971; Налоева Е. Д. Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в. Нальчик, 1973; Феофилактова Т. М. Северо-Западный Кавказ во внешней политике России во второй половине XVIII в. Ростов Н/Д, 1975; Ахмадов Я. З. Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в. Махачкала, 1977; Сокуров В. А. Внешнеполитическое положение Кабарды в последней четверти XVII — первой четверти XVIII в. М., 1977; Якубова И. И. Политика России на Центральном Кавказе в период русско-турецкой войны 1768—1774 гг. М., 1982; Хакулова М. М. Русско-кабардинские отношения в 60-х — 90-х гг. XVIII в. Тбилиси, 1986; Кидырниязов Д. С. Русско-ногайские отношения в XVIII в. Махачкала, 1988.

² Козлова А. Н. Страница истории освободительной борьбы народов Дагестана // Страны и народы Востока. М., 1976. Вып. 18; «Наме-ин

Для полноты изучения проблемы использованы труды, освещающие русско-иранские и русско-турецкие отношения в более широком плане — различных аспектах европейской и восточной политики соперничавших держав. Русско-иранские и русско-турецкие отношения в первой четверти XVIII в., отношения Порты с европейскими державами рассматриваются в исследованиях С. Ф. Орешковой, Т. К. Крыловой, А. В. Витола¹, 20-х—30-х гг. — Г. А. Некрасова, Ж. А. Анаяна, Е. Б. Шульмана², 30-х—40-х гг. — М. Р. Аруновой и К. З. Ашрафян³, середины столетия — С. А. Тверстиновой, Р. А. Михневой⁴ 70-х гг. — Г. М. Петрова, Н. Г. Кукановой⁵. Англо-русское соперничество в бассейне Каспия, русско-иранские и русско-турецкие отношения, политика противоборствовавших сторон на Кавказе и Ближнем Востоке нашли отражение в диссертациях Д. В. Джанелидзе, В. Г. Татарашвили, З. М. Шаршенидзе, В. Г. Чочиева, Л. И. Юнусовой, В. А. Папазяна, Г. А. Метревели⁶.

Смежные вопросы, касающиеся политики соперничав-

аламара-ин Надир» Мухаммад-Казима о первом этапе похода Надир-шаха в Дагестан // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986.

¹ Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971; Крылова Т. К. Русско-турецкие отношения во время Северной войны // Исторические записки, 1941. Т. 10; Витол А. В. Османская империя (начало XVIII в.). М., 1987.

² Некрасов Г. А. Восточная проблема в 1725—1735 гг. // Очерки истории СССР. Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957; его же. Роль России в европейской международной политике в 1725—1735 гг. М., 1976; Анаян Ж. А. Ближневосточная политика России в 20-х годах XVIII в. // Россия, Польша и Причерноморье в XVI—XVIII вв. М., 1979; Шульман Е. Б. О позиции России в конфликте с Турцией в 1735—1736 гг. // Балканский исторический сборник, 1973. Т. 3.

³ Арунова М. Р., Ашрафян К. З. Государство Надир-шаха Афшара: Очерки общественных отношений в Иране 30-х — 40-х гг. XVIII в. М., 1958.

⁴ Тверстинова С. А. К истории русско-турецких отношений в Елизаветинское время // Советское востоковедение, 1949. Т. 6; Михнева Р. А. Россия и Османская империя в середине XVIII в. (1739—1756). М., 1985.

⁵ Петров Г. М. Краткий очерк развития русско-иранских экономических и политических отношений в XVIII в. // Советское востоковедение, 1949. Т. 6; Куканова Н. Г. Очерки истории русско-иранских торговых отношений в XVIII — первой половине XIX вв. Саранск, 1977.

⁶ Джанелидзе Д. В. Иранский вопрос во внешней политике России во второй половине XVIII в. Дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1955; Татарашвили В. Г. Дипломатическая борьба между Россией и Турцией вокруг Кючук-Кайнарджийского мирного договора в 1774—1779 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1970; Шаршенидзе З. М. Иран во второй половине XVIII в. Дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1971; Чочиев В. Г. Международные отношения Ближнего Востока в XVI—XVIII вв. (в свете ирано-турецких мирных договоров). Дисс. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1972; Юнусова Л. И. Англо-русское соперничество в бас-

ших сторон в Закавказье, освободительной борьбы против владычества Ирана и Турции, освещены в исследованиях В. Н. Левиатова (Очерки из истории Азербайджана в XVIII столетии. — Баку, 1948); А. А. Абдурахманова (Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в первой половине XVIII в. Баку, 1964); Г. Б. Абдуллаева (Азербайджан в XVIII в. и его взаимоотношения с Россией. Баку, 1965); Г. Г. Пайчадзе (Русско-грузинские отношения в 1725—1735 гг. Тбилиси, 1965); А. П. Новосельцева (Освободительная борьба народов Закавказья в XVIII в // Вопросы истории, 1972. № 5); Ф. М. Алиева (Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. Баку, 1975); Г. А. Галояна (Россия и народы Закавказья: Очерки политической истории и их взаимоотношений с древних времён до победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1976); Ц. Г. Агаяна (Роль России в исторических судьбах армянского народа. М., 1978); С. А. Тер-Авакимовой (Армяно-русские отношения в период подготовки персидского похода. Ереван, 1980) и др.

Принципиальная критика антинаучных фальсификаций отдельных вопросов темы в зарубежной историографии дана в работах А. П. Новосельцева, В. А. Георгиева, Х.-М. Ибрагимбейли, Е. А. Соловьёва, М. М. Блиева, В. В. Дегоева, Н. С. Киняпиной¹.

В новейших исследованиях наших ученых глубоко обоснована историко-теоретическая концепция об объективно-прогрессивной роли России в исторических судьбах народов Кавказа². Однако до сих пор недостаточно изучена полити-

сейне Каспийского моря и Азербайджан во второй половине XVIII в. Дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1982; Папазян В. А. Торговые магистрали Тебриз — Алеппо и Тебриз — Смирна в системе торговых отношений Сефевидского государства с Западом. Дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1986; Метревели Г. А. Внутреннее положение и внешнеполитические отношения Грузии во второй половине XVIII в. Дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1987.

¹ Новосельцев А. П. Русско-иранские отношения в XVII — первой половине XVIII в. в зарубежной историографии // История СССР, 1960. № 3; Георгиев В. А. Обзор современной англо-американской историографии Восточного вопроса // Вопросы истории, 1968. № 3; Ибрагимбейли Х.-М. Россия и Северный Кавказ в XVI — первой половине XIX в. в освещении современной буржуазной историографии // История СССР, 1982. № 3; Соловьёв Е. А. Критика современной англо-американской историографии истории России эпохи Петра I. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1982; Блиев М. М., Дегоев В. В., Киняпина Н. С. Современная буржуазная историография политики России на Кавказе и в Средней Азии в XIX в. // Вопросы истории, 1988. № 4.

² См.: Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона: Материалы научной сессии по истории исторической науки народов

ка Ирана, России и Турции на Северном Кавказе как единая взаимосвязанная проблема. Слабо освещены стратегические цели правящих кругов этих стран, методы и средства их достижения, место и роль Северокавказского региона в русско-иранских и русско-турецких отношениях XVIII в. В отдельных исследованиях, где затронуты перечисленные вопросы, имеет место тенденциозная оценка причин осложнения обстановки на Северном Кавказе, обострения взаимоотношений местных владетелей и старшин с российской администрацией, их различной внешнеполитической ориентации, попытки субъективной интерпретации колониальной политики царизма.

Подтверждение тому — статья М. М. Блиева, сводящая причины обострения российско-северокавказских отношений и Кавказской войны к «системе экспансии» горцев Дагестана и Чечни против своих соседей (осетин, грузин, русских и др.). Кавказская война, по его мнению, «выросла» из системы экспансии, восходившей к концу XVII в., принявшей «в XVIII в. ... новую черту — антирусскую направленность»¹. Более завершённую форму такая оценка получила в работе В. Б. Виноградова и С. Ц. Умарова, считающих целесообразным отказаться от употребления таких понятий как «кавказская война», «колониальная политика», «колониальный режим», «колониализм»². Мало того, вопреки своему прежнему мнению, высказанному вместе с другими авторами, в том числе и с М. М. Блиевым о том, что «к середине XVIII в. окончательно определяется русская ориентация горцев, а русско-чечено-ингушские отношения приобретают систематический характер»³, В. Б. Виноградов утверждает, что «основная идея» статьи М. М. Блиева, возводящая в абсолют «систему экспансии» горцев, как прелюдие Кавказской войны, является «интересной», «новаторской»,

Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1978. Вып. 1; Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона: Материалы Всероссийской научной конференции. Грозный, 1980. Вып. 2; Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа: Материалы Всероссийской научной конференции. Грозный, 1982; Дагестан в составе России. Исторические корни дружбы народов России и Дагестана. Региональная научная конференция. Махачкала, 1987.

¹ Блиев М. М. Кавказская война: социальные истоки и сущность // История СССР, 1983. № 2. С. 57, 58, 61, 74.

² Виноградов В. В., Умаров С. Ц. Вместе — к великой цели (о пропаганде некоторых вопросов истории Чечено-Ингушетии в связи с последствиями добровольного вхождения в состав России). Грозный, 1983. С. 10, 17.

³ Байбулатов Н. К., Блиев М. М., Бузуртапов М. О., Виноградов В. Б., Гаджиев В. Г. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России // История СССР, 1980. № 5. С. 54.

«актуальной», «перспективной»¹. Не случайно эти попытки «новой» интерпретации М. М. Блиевым, В. Б. Виноградовым и С. Ц. Умаровым характера взаимоотношений горцев с Россией, истоков и причин Кавказской войны подверглись принципиальной критике видных ученых, в том числе историков Северного Кавказа².

Наряду с источниками и достижениями советской историографии в диссертации использован фактический материал, почерпнутый из сочинений дореволюционных отечественных авторов: Д. П. Бутурлина (Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб., 1826. Ч. 1. Т. 2. Ч. 2. Т. 3. Ч. 2. Т. 4); И. И. Голикова (Деяния Петра Великого, мудраго преобразователя России, собранные из достоверных источников, расположенных по годам. М., 1838. Т. 4); В. И. Лебедева (Западный берег Каспийского моря при Петре Великом. СПб., 1841); Г. В. Мельгунова (Поход Петра Великого в Персию // Русский вестник. М., 1874. Т. 110); С. М. Соловьёва (История России с древнейших времён. М., 1963. Кн. 9. Т. 18. Кн. 10. Т. 19—20. Кн. 11. Т. 22. М., 1965. Кн. 13. Т. 25. Кн. 14. Т. 28; Петр Великий на Каспийском море // Вестник Европы. СПб., 1868. Т. 2); В. А. Ульяницкого (Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в. М., 1883; Русские консульства за границей в XVIII в. М., 1889. Ч. 1); Н. Д. Чечулина (Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II: 1762—1774. СПб., 1896); В. Д. Смирнова (Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII в. до присоединения к России // Записки императорского одесского общества истории и древностей. Одесса, 1889. Т. 15); В. А. Потто (Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях.—СПб., 1885. Т. 1. Вып. 1; Два века Терского казачества: 1557—1801. Владикавказ, 1912); Н. Ф. Дубровина (История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1886. Т. 2); Н. Ф. Грабовского (Присоединение к России Кабарды и борьба за её независимость // ССКГ, 1876. Вып. 9); С. Я. Головчанского (Первая военная экспедиция против чеченцев в 1758 г. // Записки Терского общества

¹ Виноградов В. Б. Россия и Северный Кавказ (Обзор литературы за 1976—1985 годы: итоги и перспективы изучения) // История СССР, 1987. № 3. С. 95, 96.

² Гамзатов Г. Г. Преодоление. Становление. Обновление. Махачкала, 1986. С. 37—38; Ибрагимбейли Х.-М. Некоторые вопросы истории народно-освободительной борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа против царизма и передовая Россия (20—50-е годы XIX в.) // Дагестан в составе России... С. 9—11; Ортобаев Б. Х., Тотоев Ф. В. Ещё раз о Кавказской войне: о её социальных истоках и сущности // История СССР, 1988. № 4. С. 80, 87, 98; А. Халилов. Шамил в истории и памяти народа // Советский Дагестан, 1988. № 5. С. 32—37.

любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 11); В. Н. Кудашева (Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913); А. А. Бакиханова (Гюлистан-Ирам. Баку, 1926); Г. Алкадари (Асари Дагестан: Исторические сведения о Дагестане. Махачкала, 1929); Ш. Б. Ногмова (История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1947) и др. При работе над этим материалом имелось в виду, что исследования этих авторов служили определённой политической цели — «обоснованию поглощения» царизмом соседних народов, отрицанию самостоятельности их национально-исторического развития¹.

Военно-политические события на Кавказе XVIII в. нашли отражение в трудах зарубежных авторов, критическое использование для полноты освещения темы диссертации. Заметным вкладом в турецкую историографию XIX в. явились сочинения Ахмеда Джевдет-паши, Ахмеда Расима, Йозефа фон Хаммера, Йоганна Цинкайзена и Николаи Йорги. Среди них наличием фактического материала и суждениями концептуального характера отличаются работы А. Джевдета, А. Расима и Й. Хаммера, охватившие широкие хронологические и территориальные рамки описываемых событий от Стамбула до Петербурга и от Исфахана до Кабула. Однако А. Джевдет и А. Расим, касаясь кавказской политики противоборствующих сторон, больше акцентировали внимание на агрессивности политики России на Кавказе на протяжении всего XVIII в.² В работе Й. Хаммера, наоборот, описание многочисленных нашествий османских, крымских и иранских феодалов на Северный Кавказ чередуется с описанием русско-турецких и ирано-турецких войн на Кавказе, Ближнем и Среднем Востоке³.

Отдельные стороны исследуемой проблемы, русско-иранских и русско-турецких отношений XVIII в. затронуты в работах иранских и турецких историков по истории Ирана и Северного Кавказа, изданных в 30-х — 40-х гг. нашего столетия: Хусейна Навая, Реза Пазуки, Мухаммада Али Хекмата, Аббаса Экбала, Кадыржана Кафлы, Неджефа Моэззи и др. Из них конкретный материал по теме содержит работа М. А. Хекмата с анализом русско-иранских, русско-турецких и ирано-турецких договоров с 1722 по 1747 гг.⁴

¹ Историография истории СССР. М., 1961. С. 127.

² Расим Ахмед. Ресимли ве харитали Османли тарихи. — Стамбул, 1333/1335 (1914/1916). С. 355, 356, 357; Cevdet Ahmet Paşa. Tarih-i Cevdet. Istanbul, 1966. Cilt 1. Bol. 9. S. 376.

³ Hammer von Jösep. Geschichte des Osmanischen Reiches. Pest, 1830. Bd. 4. S. 202—208; 1835. Bd. 7. S. 442—447, 450—453.

⁴ Hekmat M. A. Essay sur l'histoire des relations politiques irano-ottomanes de 1722 à 1747. Paris, 1937. P. 39, 83, 97.

Концептуальные взгляды этих авторов, отличающиеся анти-российской и антисоветской направленностью, ярче выражены в работе К. Кафлы¹.

За послевоенный период иранская, турецкая и западная буржуазная историография пополнилась новыми исследованиями по истории Ирана, Турции и России. Конкретные сведения о политике упомянутых стран на Кавказе, особенно завоевательных походах Надир-шаха, отложились в работах иранских историков, осветивших последний период правления Сефевидов и подробную историю Надир-шаха Афшара (А. А. Бина, М.-Г. Хедаят, М. Х. Мейманди-Нежад, Г. Х. Мухтадар, М. Х. Годдуси, И. Доулатшахи, М. Ш. Техрани, А. Т. Сардадвар и др.).

Для оценки исходных позиций и выводов этих авторов характерны труды военных историков — Г. Х. Мухтадара и А. Т. Сардадвара, написанные по заказу последнего иранского шаха. Не случайно в их работах центральное место занимает идеализированный образ Надир-шаха, как «спасителя» нации, «непревзойдённого» полководца, «добротного» правителя, «общительного» и «доступного» простому народу, вынудившего русских «быстро уйти» из прикаспийских провинций и Дагестана. В то же время они признают, что освободительная борьба народов Кавказа, ставшая одной из главных причин крушения державы Надир-шаха, находила поддержку со стороны России, старавшейся воспользоваться этим для решения кавказской проблемы в своих интересах².

Из турецких историков послевоенного периода внешне-политической историей Турции, Северного Кавказа и кавказской проблемой в целом занимались Э. З. Карал, И. Х. Узунчаршылы, И. Беркок, П. Коцев, Ш. Эрел, В.-Г. Джабагиев, Х. Гюрсель, Ч. Дерин, Х. Иналжик, Р. Туна, Дж. Гёкдже и др. Среди них попытку критического осмысления влияния западных держав на кавказскую политику Порты предприняли Э. З. Карал и И. Х. Узунчаршылы, которые, однако, ограничились осуждением политики России в отношении Турции и Крыма³. Что касается сочинений остальных турецких авторов, то они написаны с крайне националистических позиций, искажающих суть кавказской проблемы, придав ей односторонний, антироссийский характер, что явствует из

¹ Kafli K. Şimali Kafkasya. İstanbul, 1942. S. 74, 75, 79, 84—90.

² Мухтадар Г. Х. Набардохе бозорг-е Надершах. Техран, 1380/1960, изд. 1. С. 1—2, 5, 8, 22, 33, 34, 105—110, 137; Сардадвар А. Т. Тарихе незаман ва сийаси-йе доване Надиршах-е Афшар. Техран, 1395/1975. С. 346, 736, 740, 748, 749, 760.

³ Karal E. Z. Osmanlı tarihi. Ankara, 1954. Cilt 6. S. 15, 16; Uzuncarşılı I. H. Osmanlı tarihi. Ankara, 1956. Cilt 4. S. 187, 190, 461, 469.

анализа работ наиболее типичных из них — И. Беркока и Дж. Гёкдже¹.

В современной зарубежной иранистике применительно к теме диссертации особое место занимают работы английского историка Л. Локкарта об афганской оккупации Персии и истории Надир-шаха. Написанные на базе восточных, русских и европейских источников, они дают развёрнутую картину русско-иранских и русско-турецких отношений от похода Петра I в Прикаспий до полного краха завоевательных походов Надир-шаха на Кавказе. Обобщив значительный материал о политике противоборствующих сторон, он, однако, не избежал тенденциозности в оценке политики России в отношении Ирана, приписывая ей агрессивные намерения вопреки Петербургскому и Гянджинскому договорам (1723, 1735 гг.)².

Следует отметить, что большинство сочинений современной западной буржуазной историографии, касающихся отдельных сторон кавказской проблемы, проникнуто мыслью о стремлении России поглотить не только Кавказ, но и Турцию, Иран, Индию и т. п. Написанные с позиций буржуазного объективизма работы Р. Мантрона, Л. Касселса, Р. К. Рамазани, Р. Фрая, Ф. Касем-заде, М. Раева, Дж. С. Хурвитаца, М. С. Андерсона, А. Летина и Р. Олсона исходят из предпосылки, что наступление Турции на Кавказе и политика поддерживавших её западных держав были вызваны «русской интервенцией», угрозой существованию Османской империи. Среди упомянутых авторов более последовательно такие идеи проводятся в работах Л. Касселса, А. Летина, Ф. Касем-заде³. С аналогичных позиций кавказская политика России и Турции проецируется в совместных работах В. И. Перри, Х. Иналжика, А. Н. Курата и И. С. Бромлея, С. Д. Шоу и Е. К. Шоу⁴.

¹ Berkok I. Tarichte Kafkasya. İstanbul, 1958. S. 353, 355, 361—363; Gökçe C. Kafkasya ve Osmanlı Imperatorlugunun Kafkasya siaseti. İstanbul, 1979. S. 30, 31, 32, 33.

² Lockhart L. Nader Shah. A critical study based mainly upon contemporary sources. London, 1938. P. 87, 94, 95, 98, 200, 206, 210; The Fall of the Safavi Dynasty and Afghan Occupation of Persia. Cambridge, 1958. P. 176, 179, 186, 212, 213, 219—220, 248.

³ Cassels L. The Struggle for the Ottoman Empire 1717—1740. London, 1966. P. 78, 79, 98; Letin A. Russia in the Eighteenth Century. From Peter the Great to Catherine the Great. London, 1973. P. 93—98; Kasemzadeh F. Russian Penetration of the Caucasus // Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution. New Jersey, 1974. P. 243, 246, 253.

⁴ Parry W. I., Inalcik H., Kurat A. N. and Bromley I. S. A history of the Ottoman Empire to 1730. Cambridge, 1976. P. 176, 217; Shaw St. J., Shaw E. K. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Cambridge, 1976. Vol. 1. P. 223, 239, 247, 250, 258.

Несколько шире русско-иранские отношения в последней четверти XVIII в. рассматривает М. Аткин. Остановившись подробно на восточной политике Екатерины II, он утверждает, что главным объектом этой политики оставался Иран. Подобным же образом к характеристике русско-иранских и русско-турецких отношений XVIII в. подошли Р. Савори и Н. Изткович¹.

Концептуальные взгляды представителей новейшей буржуазной историографии по вопросам восточной политики России не претерпели существенных изменений, хотя претензии к «новому» прочтению старых истин продолжают доминировать в их сочинениях. Подтверждение тому — работы Л. Руэля, Х. Диффи, Р. Гируальта и М. Ферро, в которых внешняя политика России представлена наступательной, агрессивной, колониальной, а политика Англии, Франции, Ирана и Турции — «оборонительной», «миролюбивой»² и т. д. Квинтэссенция таких оценок — комментарии Т. С. Мурада к работе Дж. Баддлея (Завоевание Кавказа Россией. Лондон, 1908), переизданной в Иордании в 1987 г., в которых утверждается, что цель русских — полное уничтожение кавказских племён, применяя более мощные, целенаправленные и утонченные средства, чем применяли крестоносцы в своих походах на Восток³.

Анализ сочинений дореволюционных отечественных и зарубежных авторов и исследований современных буржуазных историков показывает, что в них содержится значительный фактический материал, позволяющий раскрыть различные стороны исследуемой проблемы. Однако подбор, интерпретация и публикация источников и исследований самими авторами, являвшимися представителями господствующих классов различных стран или находившимися у них на службе, наложили отпечаток на их характер и содержание. Отличительная черта этих источников и исследований — присущее авторам стремление оправдать агрессивную политику правящих кругов своих стран на Кавказе, извратить свободительный характер борьбы кавказских народов против

захватнических устремлений шахского Ирана, султанской Турции и царской России.

Критическое изучение сочинений зарубежных и дореволюционных отечественных авторов, выявление их субъективистских, фальсификаторских измышлений на базе марксистско-ленинской методологии необходимо как для правильного освещения кавказской проблемы в целом, так и для определения места и роли Северного Кавказа в русско-иранских и русско-турецких отношениях XVIII в.

Вторая глава — «Северный Кавказ в стратегических планах России, Ирана и Турции в первой четверти XVIII в. Усиление позиций России», состоящая из четырех разделов, посвящена определению места и роли региона в стратегических планах противоборствовавших сторон, их исходных позиций и итогов борьбы в рассматриваемый период. В соответствующих разделах освещены внутривосточное состояние и внешнеполитическое положение Северного Кавказа на рубеже XVII—XVIII вв., главные направления и пути достижения основных целей кавказской политики правящих кругов Ирана, Турции и России, усиление роли региона в их стратегических планах в период борьбы горцев против нашествий османских, крымских и кубанских феодалов на Кабарду, иранского владычества в Дагестане и Закавказье, похода Петра I и подписания русско-иранского и русско-турецкого договоров, закрепивших новые позиции России и Турции на Кавказе и прикаспийских областях.

В начале XVIII в. позиции этих держав выглядели следующим образом: Дагестан, Азербайджан, Восточная Грузия и Восточная Армения находились под властью Ирана; Западная Грузия, Абхазия, Западная Армения и адыги, жившие в Причерноморье и в районе Кубанского бассейна, подпали под власть Турции. В Приазовье и в Прикубанье кочевали подвластные Крыму ногайцы или Кубанская Орда, активно участвовавшая в экспансионистских замыслах Турции и Крыма. Позиции России были слабее, замыкая небольшой Прикаспийский район с крепостью Терки и несколькими станциями гребенских казаков на левом берегу Терека. По Константинопольскому договору 1700 г. «Кубанская сторона» признавалась территорией с преимущественными правами Османской империи¹.

Однако ни одна из сторон не была удовлетворена достигнутыми позициями и преследовала следующие цели: Иран — сохранить влияние в Закавказье и Дагестане, раздвинув северные границы до Терека; Турция — расширить

¹ Atkin M. *Russia and Iran 1780—1828*. Minneapolis, 1980. P. 63, 84, 164; Savori R. *Iran under Safavids*. Cambridge, 1980. P. 246, 251, 252; Itzkowitz N. *Ottoman Empire and Islamic Tradition*. Chicago, 1980. P. 63, 84, 100.

² Ruehl L. *Russlands Weg zur Weltmacht*. Düsseldorf, Wein, 1981. S. 103, 240, 244, 247; Duffy C. *Russians military way to the West Origins, nature of militie power 1700—1800*. London, 1981. P. 28, 29, 49, 63, 156—174; Girault R., Ferro M. *De Russia a' l'USS. L'histoire de la Russie de 1850 a' nos jours*. Paris, 1983. P. 11.

³ Ихтиал аль-русс, ли-л Кафкас. Тариб С. И. Ауди. Ал. Зарка, 1987. С. 513, 529, 534.

¹ Очерки истории Адыгее. Майкоп, 1957. Т. 1. С. 140.

сферы господства в Закавказье и Прикубанье, распространить влияние на степные народы, жившие между Кубанью и Волгой; Россия — обезопасить южные границы, выйти на побережье Черного моря и Каспия для удовлетворения потребностей экономического развития и овладения стратегической инициативой на Востоке. Стратегические замыслы Турции и Крыма предусматривали создание опорного кавказского плацдарма для противодействия наступлению России и Ирана¹.

Решающую роль в реализации этих планов играли Кабарда, расположенная на пути османо-крымской агрессии со стороны Азова и Крыма, и Дагестан, прикрывавший подступы к Северному Кавказу против иранской и османской агрессии с Юга. Многочисленные нашествия крымских и кубанских феодалов на Кабарду, их подрывные действия в Кабарде и Дагестане, военно-дипломатические мероприятия России, с одной стороны, и поддерживаемой Швецией и Францией Турции — с другой, стремление Ирана сохранить свои позиции в Дагестане² — убедительное тому подтверждение.

С начала 20-х гг. XVIII в. на передний план в кавказской политике России и Турции выдвинулись Дагестан и Азербайджан, занимавшие важное стратегическое положение на побережье Каспия. Свержение иранского владычества на Кавказе (август 1721 г.) и оккупация Ирана афганскими феодалами (окт. 1722 г.) привлекли внимание сначала Турции, а затем России. Порты, рассчитывая на поддержку предводителей антииранских восстаний в Дагестане (Сурхай-хан Казикумухский и Дауд-бек Мюшкюрский) и завоевателя Ирана Мир-Махмуда, стала добиваться от них признания верховной власти султана, чтобы добиться раздела Ирана и усиления своего влияния на Кавказе³.

Однако эти намерения Порты противоречили основным целям восточной политики Петра I. Пользуясь благоприятной обстановкой (большинство северокавказских владетелей было принято в российское подданство или находилось в лояльных отношениях), он решил опередить Турцию. 28 июля 1722 г. 100-тысячная русская армия высадилась на берегу

Аграханского залива. Территория от устья Сулака до р. «Милюкент» за Дербентом была занята в течение четырех недель. Столь быстрое продвижение русской армии объяснялось не только её многочисленностью, но и поддержкой части местных владетелей (шамхал Адил-Гирей, Арслан-бек Кайтукин, Э. Б.-Черкасский и др.), особенно стремлением трудовых масс населения избавиться от многолетнего гнета восточных держав и непрекращающихся феодальных междоусобиц⁴. Оставив гарнизоны в Дербенте, Буйнаке, на Рубасе и Сулаке, в конце сентября с основными силами Петр I отплыл в Астрахань. В результате Петровского похода к России отошло дагестанское побережье Каспия.

Прекращение дальнейшего похода на Юг было вызвано не только нехваткой провианта и болезнью среди солдат, как объясняла официальная версия, но и резким обострением русско-турецких отношений: «Петр ушел с Кавказа, избегая преждевременной войны с Турцией»⁵. Успешное осуществление части задуманного плана вызвало острое недовольство в Стамбуле, активно поддержанное Англией и Францией. Опираясь на их поддержку, Порты резко усилила политику подкупа местных владетелей, что не осталось без последствий. В сентябре и декабре 1722 г. подданство Турции приняли Али Султан Цахурский и Дауд-бек Мюшкюрский, признанные султаном Ахмедом III: первый — владетелем Ареша и второй — верховным правителем Дагестана и Ширвана с годовым жалованьем в 30 тыс. рублей⁶.

Переход Дауд-бека и Али Султана на сторону Турции явился первым шагом на пути реализации её гегемонистских планов на Кавказе. В специальных фирманах, отправленных к ним в конце декабря, султан ставил перед ними задачу захвата новых территорий на Кавказе и вытеснения русских войск из Дагестана, обещая поддержку 30-тысячным корпусом Сары Мустафы-паши⁷. Кроме того, на основании фиктивного представления о «принятии» турецкого подданства наследником Сефевидов шахом Тахмаспом и новым правителем Ирана Мир-Махмудом, Порты потребовала от русского двора вывода русских войск из Дагестана и отказа от своих планов в отношении Кавказа.

¹ Некрасов Г. А. Восточная проблема в 1725—1735 гг. ... С. 364—365; Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе... С. 57—59.

² Кабардино-русские отношения... Т. 2. С. 11, 13, 20; Русско-дагестанские отношения... С. 223, 250, 274, 308; Смирнов Н. А. Борьба русского и украинского народов против агрессии султанской Турции в XVII—XIX вв. // Воссоединение Украины с Россией 1654—1954. М., 1954. С. 377.

³ АВПР. Ф. 98: Сношения России с Турцией. Оп. 89 / 1. 1722. Д. 6. Л. 156 об. Д. 6. Ч. 1. Л. 30; Olson R. The Siege Mosul and Ottoman-Persian Relations 1718—1743. Bloomington, 1975. P. 43—44.

⁴ См.: Ашрафян К. З. Падение державы Сефевидов // Очерки по новой истории стран Востока (1502—1722). М., 1951. С. 202; Гаджиев А. С. Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана. Махачкала, 1964. С. 9 и др.

⁵ Маркова О. П. Указ. соч. С. 27.

⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времён. М., 1963. Кн. 9. Т. 18. С. 394; ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. 7. С. 8.

⁷ АВПР. Ф. 77. Сношения России с Персией. Оп. 77 / 1. 1723. Д. 5. Ч. 1. Л. 11 с об.; Д. 10. Л. 2 с об.; Uzunçarşılı İ. H. Op. cit. S. 187.

Турецкий план поглощения Кавказа встретил решительное противодействие со стороны России. Обезопасив пограничную линию на Кавказе на случай войны с Турцией, Петр I ответил, что будет защищать её всеми доступными средствами. Русско-турецкие переговоры зашли в тупик. Наставная на праве владеть Кавказом, Порты перешла к прямым военным захватам. Для этой цели сжочно перебрасывались дополнительные войска к границам Грузии и Дагестана. В июне 1723 г. турецкие войска заняли Тбилиси. В ответ на это русские войска сначала заняли Энзели и Решт, а затем Баку¹. Вслед за этим, стремясь не допустить Турцию на побережье Каспия, Россия стала добиваться от шаха Тахмаспа добровольной уступки прикаспийских областей, обещая Ирану необходимую помощь для борьбы с Турцией и афганскими завоевателями².

На этой основе 12 сентября 1723 г. был подписан Петербургский договор, предоставлявший России «в вечное владение города Дербент, Баку со всеми к ним прилегающими по Каспийскому морю лежащими землями и местами также де и провинции Гилян, Мизандрон и Астрабат»³. Взамен на это Россия обязалась помочь Ирану в борьбе против её врагов. Договор закрепил переход к России Северо-Восточного Кавказа и прикаспийских областей, что явилось важной дипломатической победой: не нарушая мира с Ираном, она могла их отстаивать на основе взаимных обязательств⁴.

Не случайно этот договор вызвал ярость турецкого правительства, продолжавшего уповать на поддержку Дауд-бека. Но в октябре 1723 г. турецкая армия, направленная из Тбилиси на соединение с Дауд-беком, была разбита под Гянджой объединенными силами армян, грузин и дагестанских горцев. Это поражение явилось следствием не только слабости позиций Порты на Кавказе, но и фактической изоляции Дауд-бека в Дагестане. Дагестанские владельцы не признали его власти, а съехались в урочище Худат, где в мае 1723 г. решили поделить его владения. Но от этой затеи пришлось отказаться, так как в Шемаху «с тысячью человек конницы» направился сераскер Кара Мустафа-паша для поддержки Дауд-бека⁵.

¹ Cevdet Ahmed Paşa. Op. cit. S. 375—376.

² АВПР. Ф. 77. Оп. 77/1, 1723. Д. 1. Л. 10.

³ Там же, Д. 15. Л. 3—6; Юзефович Т. Д. Договоры России с Востоком: политические и торговые. СПб., 1869. С. 185—189.

⁴ Моэззи Н. Х. Тарих-е равабат-е сийаси-йе Иран ба донья. Техран, 1365/1946. С. 323.

⁵ АВПР. Ф. 77. Оп. 77/1, 1723. Д. 1. Л. 112; Ф. 89. Оп. 89/1, 1723. Д. 5. Ч. 2. Л. 412. Ч. 3. Л. 241.

Наиболее активно против Дауд-бека выступал Сурхай-хан, старавшийся вытеснить его и захватить власть над Дагестаном и Ширваном. Архивные документы, составленные на основе донесений очевидцев, показывают, что Шемаха превратилась в объект острой борьбы между Турцией и Дауд-беком с одной стороны, Сурхаем, шамхалом Адиль-Гиреем и уцмием Ахмед-ханом — с другой. Весной 1723 г. в Шемахе управляли двое: брат Дауд-бека Мамат-хан и дядя Сурхая Карат-бек, которому фактически принадлежала власть в городе¹.

В такой обстановке русско-турецкие переговоры продвигались с трудом и дважды срывались из-за вмешательства Англии и Франции, настраивавших Порту против России. Английский резидент Стеньян внушал верховному везиру, что Порты должна «оружием остановить успехи русских на Востоке». Поддерживая эту позицию, французский посол де Бонак добавлял, что русское правительство должно повелеть своим войскам «от границ турецких ретироваться» и склониться к трактату по «турецкому желанию»².

Однако твердая позиция России пресекла воинственные устремления Порты, благодаря чему переговоры завершились мирным исходом. 12 июля 1724 г. был подписан Константинопольский договор, признававший за Россией области, уступленные ей Ираном по Петербургскому договору. Помимо территорий Северного Кавказа, находившихся в её подданстве (Кабарда, Кумыкия, Кайтаг, Табасаран), Россия получила 2/3 приморской полосы Ширвана и часть земель по Самуру, считавшихся под протекцией Сурхая. На территории Ширвана с охватом 1/3 части в сторону моря учреждалось отдельное Шемахинское ханство во главе с Дауд-беком под сюзеренитетом Порты. В Дагестане к Турции отходили Ахты, Рутул, Цахур и часть лезгинских земель, находившихся под покровительством Сурхая. Вдобавок к этому Турция получила остальную часть Закавказья и западные области Ирана. Остальная территория Ирана признавалась за шахом Тахмаспом, но фактически осталась под властью Мир-Махмуда³. Так завершился первый этап кавказской политики противоборствующих сторон, заметно укрепивший позиции России на Северном Кавказе.

В третьей главе «Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях во второй четверти XVIII в.

¹ АВПР. Ф. 77. Оп. 77/1, 1723. Д. 1. Л. 54 об.; Ф. 89. Оп. 89/1, 1723. Д. 5. Ч. 2. Л. 412. Д. 8. Л. 54 с об., 100—101.

² Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 9. Т. 18. С. 401; АВПР. Ф. 89. Оп. 89/1, 1724. Д. 6. Ч. 2. Л. 259, 301.

³ Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 52. С. 19—29.

Ослабление позиций России и Турции. Провал захватнической политики Ирана» освещается наиболее кризисная фаза кавказской политики Ирана, России и Турции с 1725 по 1750 г. В четырех разделах этой главы выявляется роль Северного Кавказа в планах противоборствующих сторон в годы разграничения и вывода русских войск с Кавказа (1725—1735), рассматривается превращение Северного Кавказа в арену борьбы между Россией и Турцией накануне и в годы русско-турецкой войны (1735—1739), освещаются освободительная борьба против владычества Надир-шаха и крах его завоевательных походов, как решающие факторы российско-северокавказского сближения (1741—1745 г.), выявляются попытки Порты воспользоваться поражением Ирана в своих целях и ответные меры со стороны России для сохранения своего влияния на Кавказе (1745—1750 гг.).

Вторая четверть XVIII в. на Северном Кавказе началась дальнейшим обострением политической обстановки, вызванным стремлением России и Турции сохранить и укрепить свои позиции на Кавказе. Особой активностью отличалась политика Порты, пытавшейся на сей раз добиться своих целей, опираясь на шамхала Адиль-Гирея, ожесточенные княжеские распри в Кабарде и расплывчатые статьи Константинопольского договора, предусматривающие разделение между Россией и Турцией части подвластных территорий отдельных кавказских владетелей, в частности, Сурхай-хана.

Подстрекательство шамхала Портой и Крымом на выступление против России, многочисленные препятствия, чинимые ими разграничению земель в прикаспийских областях и Дагестане, низложение Дауд-бека и возведение на его место Сурхай-хана, попытки строительства крепостей на границах Грузии, Чечни и Кабарды, организация походов крымских ханов на Северный Кавказ, ставших прелюдией русско-турецкой войны 1735—1739 гг., и ответные меры со стороны России — составные звенья единой цепи военно-политических и дипломатических мероприятий противоборствующих сторон, предпринятых во второй половине 20-х — первой половине 30-х гг. XVIII в.

На формирование русско-турецких отношений заметное влияние оказывало отношение местного населения к политике противоборствующих сторон. С начала разграничения, опираясь на Дауд-бека, османы притесняли его, принуждая перейти в их подданство. Не желая подпасть под турецкое владычество, жители приморской полосы уходили в горы, обращались за помощью к русским властям, которые брали их под свою защиту. В ноябре 1726 г. ген. В. Я. Левашов для защиты жителей Мюшкюра выделил 300 солдат и 140

казаков под командой майора Гатмана. С той же целью у пристани Низовой в постоянной готовности находилось 6,5 тыс. человек подвижного кавалерийского резерва¹. Эти меры усиливали влияние России, способствуя переходу под её покровительство населения Прикаспия и смежных областей Северного Кавказа. По неполным данным, в 1726—1727 гг. верность России выдачей аманатов подтвердили десятки владельцев и старшин Дагестана, Кабарды и Чечни².

В такой обстановке Дауд-бек не смог выполнить задач, возложенных на него Портой, и был заменён Сурхаем, принявшим её подданство в декабре 1727 г. По планам, составленным с участием турецких командующих в Гяндже и Тебризе, в 1729 г. Сурхай совершил рейс до Дербента, но вынужден был отступить под угрозой разорения Шемахи ген. Румянцевым³. Тогда же провалилась попытка Порты возвести крепости на подступах к Грузии, Кабарде и Чечне ввиду упорного сопротивления со стороны народов Грузии и Северного Кавказа⁴.

Тем временем турецкие войска терпели поражения от нового правителя Ирана Надир-хана, захватившего власть после изгнания афганцев и низложения шаха Тахмаспа. После этих неудач при поддержке Франции Порта решила перебросить из Крыма через Северный Кавказ 25-тысячный корпус калги Фетхи-Гирея на помощь своим войскам в Закавказье⁵. Однако выполнить эту задачу Фетхи-Гирей не смог: в сражениях у деревни Горячевская в Чечне и под Дербентом в Дагестане в июне — июле 1733 г. русские войска нанесли значительные потери крымцам и вынудили их уйти обратно⁶.

Однако спокойствия на Северном Кавказе не наступило. После победы над османами под Багдадом в 1733 г. Надир решил возвратить Ирану кавказские земли, отошедшие к Турции по Петербургскому договору 1724 г., требуя того же от России. Но «шемахинская экспедиция» 1734 г. не решила этой задачи: изгнав Сурхая из Шемахи и Кумуха в Аварию, назначив шамхалом Дагестана сына Адиль-Гирея Хасбулата, в конце сентября он отступил из гор, понеся большие поте-

¹ АВПР. Ф. 89. Оп. 89/1. Д. 6. Т. 1. Л. 173 об., 223; Д. 15. Л. 31, 95 с об.

² Там же. Д. 3. Л. 56 об.; Д. 10. Л. 105—106 с об.; Д. 15. Л. 70.

³ АВПР. Ф. 89. Оп. 89/1, 1729. Д. 1. Л. 5 об. — 6; Сб. РИО. СПб., 1891. Т. 75. С. 344, 395, 396.

⁴ Кабардино-русские отношения... Т. 2. С. 40; Бопцвадзе Т. Д. Указ. соч. С. 49.

⁵ Cassels L. Op. cit. P. 78, 80—90.

⁶ АВПР. Ф. 89. Оп. 89/1, 1733. Д. 7. Ч. 1. Л. 813; Бутурлин Д. П. Указ. соч. Ч. 2. Т. 4. С. 162—165.

ри¹. К этому времени международное положение России значительно осложнилось. Стремясь превратить Иран из потенциального противника в своего союзника, русское правительство подписало с ним 10 марта 1735 г. Гянджинский договор о возвращении Ирану прикаспийских областей и Дагестана с отводом русских войск за р. Сулак².

Выполнение условий Гянджинского договора резко ухудшило внешнеполитическое положение Северного Кавказа. По мере перемещения русских войск на Сулак и на Терек борьба между Ираном и Турцией за овладение этим регионом достигла кульминации. 25 апреля 1735 г. диван объявил султана Махмуда покровителем кавказских суннитов, надеясь на то, что они выставят 60-тысячное войско для совместных действий против Ирана. В середине мая Порта приняла решение отправить крымского хана Каплан-Гирея с 80-тысячным войском через Северный Кавказ в Закавказье³.

В ответ на это Россия предприняла свои контрмеры, чтобы удержать местных владетелей и старшин на своей стороне и воспрепятствовать проходу крымского войска через Северный Кавказ. Весной 1735 г. присяги на верность России были приняты от владетелей и старшин 30 населённых пунктов Дагестана и Чечни, в Кизляре и Астрахани в качестве аманатов от кабардинских, дагестанских и чеченских владетелей содержалось 25 человек⁴. 16 июня кабинет министров принял документ, означавший, «по существу, официальное решение... о вооружённом противодействии султанской Турции⁵. Чтобы вынудить хана вернуться обратно, находившемуся в Польше графу Б. Х. Миниху 23 июня был дан указ совершить демарш в сторону Крыма и Азова.

Хотя поход Каплан-Гирея, как и поход Фетхи-Гирея, явно противоречил Константинопольскому договору 1724 г. и вызвал резкие протесты русского правительства, Порта и Крым продолжали свой курс, надеясь на поддержку местного населения. Но эти надежды не оправдались. Попытка Каплан-Гирея пройти ущелье, расположенное между аулами Алды и Чечень, провалилась. Чеченцы нанесли ему такое поражение, что «целый отряд крымских татар был истреблен озлоб-

ленными горцами»¹. Хотя двум корпусам хана удалось обойти это ущелье и добраться до Дербента, следовать дальше они не смогли. Поражение османов под Карсом и Ереваном в июле 1735 г. и демарш Миниха в сторону Крыма вынудили султана вернуть Каплан-Гирея обратно.

Отступление крымских войск не принесло мира этому краю. Нашествие крымцев ускорило вторжение иранских завоевателей. Разгромив турок под Карсом и Ереваном, Надир двинулся на Дагестан и 21 ноября с 32-тысячным войском достиг Дербента. Объединившись здесь с Хасбулатом, он снова изгнал Сурхай-хана в Аварию, подчинил своей власти уцмий Ахмед-хана, казикумухских, акушинских и табасаранских старшин, после чего вернулся на Мугань, где в 1736 г. был коронован шахом Ирана.

После ухода крымских и иранских войск русское правительство предприняло различные меры воздействия на влиятельных местных феодалов, добиваясь через них усиления там своего влияния. Благодаря этим мерам кабардинские князья Мисост Кургокин и Касай Атажукин вместе с калмыкским ханычем Дондук-Омба приняли участие в крымском походе под командованием ген. В. Я. Левашова и вынудили убрать мощный заслон, выставленный ногайскими ордами Солтан-Улу и Навруз-Улу². Встав на сторону России, кабардинцы участвовали во взятии Азова в 1736 г. и в разгроме крымского войска в Салгирском сражении в 1737 г.³ В августе 1739 г. на берегу Лабы они нанесли крупное поражение вторгшимся из-за Кубани отрядам калги Фетхи-Гирея.

С начала 40-х гг. в истории народов Кавказа открылась новая героическая страница. Чтобы захватить этот важный стратегический плацдарм, Надир-шах организовал третий по счёту поход, известный в литературе под названием дагестанского. В мае 1741 г. во главе 100-тысячной армии он начал поход, чтобы захватить Дагестан как опорную базу для борьбы против России и Турции и показать им свою ударную силу⁴. Добиваясь этой цели, пользуясь многократным превосходством в численности и вооружении, в июне — начале августа иранские войска захватили приморскую полосу Дагестана от Самура до Сулака, покорили Дженгутай, Акушу, Цудахар, Кумух, осаждали Кубачи, вынудив покориться боровшихся до последней возможности Сурхая и отошедшего

¹ АВПР. Ф. 77. Оп. 77 / 1, 1734. Д. 7. Ч. 3. Л. 415 об. — 416; Астрабади М. М. Джахонгоша-е Надири... С. 164, 233, 377, 405.

² Юзефович Т. Д. Договоры России с Востоком... С. 200—207.

³ АВПР. Ф. 89. / 1, 1735. Д. 6. Л. 3, 10, 56 об., 105—106; св. 36 / с. Д. 6. Л. 3.

⁴ ЦГВИА. Ф. 20; Военная экспедиция военной коллегии. Оп. 1 / 47. Ед. хр. 113. Л. 23; Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 120, 130, 157—159.

⁵ Шульман Е. Б. Указ. соч. С. 25.

¹ Потто В. А. Кавказская война... Т. 1. Вып. 1. С. 48; Berkok I. Op. cit. S. 356.

² История народов Северного Кавказа... С. 430.

³ Ибрагимбеи Х.-М. Салгирское сражение 1737 г. // Советская военная энциклопедия. М., 1979. С. 216.

⁴ Сарладвар А. Т. Указ. соч. С. 736.

от шаха уцмня Ахмед-хана. Поход сопровождался массовым террором, ограблением и истреблением местного населения¹.

Но сломить волю горцев и склонить их к капитуляции шаху не удалось. На истребительную войну захватчиков народы Дагестана ответили героической освободительной борьбой. Невозможность решить поставленную задачу без завоевания Аварии стала очевидной². Это было тем более важно, что в случае захвата Аварии шах рассчитывал покорить не только Дагестан, но и Чечню, Кабарду, Крым, Кубанскую область и русские земли до Астрахани³.

Агрессивная политика шаха активно поддерживалась Англией разведывательной информацией, содействием в строительстве военных кораблей, высадке десанта, подвозе боеприпасов и провианта для шахской армии⁴. Пользуясь этим, 12 сентября 1741 г. шах начал наступление на Аварию, но в решающем сражении у Согратля иранская армия потерпела крупное поражение и отступила к Дербенту. Согласно официальным данным, потери иранцев составили 42 тыс. человек, а по данным находившегося в иранском лагере русского резидента И. Калушкина — около 70 тыс. О последствиях этой битвы в декабре 1741 г. он доносил: «у него (шаха — Н. С.) с лезгинками развязалось тяжелое дело... от которого Персия стонать не перестает»⁵.

Разгром войск Надир-шаха в Аварии имел не только местное, но и международное значение: «звезда Надир-шаха закатилась в горах Дагестана»⁶. Победа горцев над противником отозвалась эхом в Стамбуле и в Петербурге, где не могли скрыть своего удовлетворения и восхищения этим подвигом. По этому случаю в Стамбуле и Трабзоне были организованы специальные мероприятия, где показывали захваченных горцами в плен иранцев⁷.

¹ АВПР. Ф. 77. Оп. 77/1. Д. 4. Л. 163, 257, 284, 285, 314, 349; ЦГИА Груз. ССР. Ф. 1453: Коллекция турецких документов. Оп. 1. Д. 21. Л. 1. Д. 22. Л. 1. Д. 23. Л. 1.

² Lockhart L. Nader Shah... P. 207.

³ ЦГВИА. Ф. 410: Материалы по истории народов СССР. Коллекции. Оп. 6/н. Ед. хр. 106. Л. 82, 83, 87; ЦГА Даг. АССР. Ф. 379; Кизлярская комендантская канцелярия. Оп. 1. Д. 17. Л. 120 об., 129 об.

⁴ Ульяновский В. А. Русские консульства... С. 183; Мухтадар Г. Х. Указ. соч. С. 132; Сардадар А. Т. Указ. соч. С. 743; Абдурахманов А. А. Указ. соч. С. 78—79 и др.

⁵ АВПР. Ф. 77. Оп. 77/1. Д. 4. Л. 353—354; ЦГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Ед. хр. 129. Л. 14.

⁶ Новосельцев А. П. Освободительная борьба народов Закавказья в XVIII в. // Вопросы истории. 1972. № 5. С. 117.

⁷ Сб. РИО. СПб., 1896. Т. 96. С. 579; Erel S. Dagistan ve dagistanlılar. Istanbul, 1961. S. 107; Gökçe C. Op. cit. S. 34; Olson L. Op. cit. P. 19.

Наступление иранских войск в 1742 г. в сторону Табасарана и Кайтага обернулось для них новыми тяжёлыми потерями. Попытки шаха проникнуть в засулакскую область были решительно пресечены внушительной военной демонстрацией со стороны России, оказывавшей местным владетелям и старшинам активную моральную, материальную и политическую поддержку. Благодаря этому произошёл заметный перелом во внешнеполитической ориентации северокавказских народов в сторону России¹. Убедившись в том, что продолжение войны на Кавказе не принесет ничего иного, кроме новой катастрофы, в феврале 1743 г. шах вынужден был отступить из Дагестана под предлогом продолжения войны с Турцией. Последнее вторжение Надир-шаха в Дагестан в конце 1744 — начале 1745 гг. закончилось очередным провалом. Попытки Порты добиться успеха путем разжигания княжеских распрей в Кабарде и подкупа дагестанских владетелей во второй половине 40-х гг. имели тот же финал. Ответные меры Петербурга ослабили новый натиск османов на Северный Кавказ. Второй этап политики противоборствующих сторон завершился крахом завоевательной политики Ирана, потерей территориальных приобретений Россией и Турцией, усилением российско-северокавказских отношений, способствовавшим сохранению политического влияния России на Кавказе.

Четвертая завершающая глава «Северный Кавказ в русско-турецких и русско-иранских отношениях в третьей четверти XVIII в. Завершающий этап борьбы между Россией и Турцией» — посвящена изучению роли Северного Кавказа в планах противоборствующих сторон на завершающем этапе борьбы за овладение этим регионом. Поскольку Иран после провала завоевательной политики Надир-шаха и распада его державы фактически выбыл из борьбы до конца XVIII в., в трех разделах этой главы углублённо освещаются русско-турецкие и русско-крымские отношения в свете политики России и Турции на Северном Кавказе. Русско-иранские и ирано-турецкие отношения рассматриваются в той мере, в какой политика претендентов на иранский престол содействовала или препятствовала выполнению их внешнеполитических замыслов в этом регионе. Анализируются причины обострения обстановки на Северном Кавказе, особенно накануне и в годы русско-турецкой войны 1768—

¹ АВПР. Ф. 77. Оп. 77/1. 1742. Д. 10. Л. 29, 102. 1743. Д. 3. Л. 9; Ф. 89. Оп. 89/1. 1742. Д. 6. Ч. 1. Л. 162—163; ЦГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Ед. хр. 242. Л. 1. 2. 21—29; ЦГВИА. Ф. 410. Оп. 6/н. Ед. хр. 106. Л. 414, 415; Годдуси М. Х. Надер-намэ. Мешхед, 1379/1960. С. 268, 269, 270.

1774 гг., ход военных действий в регионе, факторы, обусловившие поэтапное присоединение северокавказских народов к России.

Обстановка на Кавказе к началу 50-х гг. оставалась сложной. Распадом державы Надир-шаха после его убийства в 1747 г. решила воспользоваться Турция, надеясь на поддержку различных претендентов на трон и новых правителей возникших в Закавказье государственных образований. Россия, не сумевшая реализовать восточную программу, активно занялась решением кавказской и черноморской проблемы. Политика противоборствующих сторон, принявшая вновь наступательный характер, сохраняла напряжённость на Северном Кавказе.

50-е гг. XVIII в. прошли под знаком соперничества Турции и России в Кабарде и Дагестане, активизации политики России в Чечне, Ингушетии и Осетии. Вопреки Белградскому договору 1739 г., Турция продолжала вмешиваться в кабардинские дела, выдвигая на передний план крымских ханов. Очередной раскол Кабарды на враждующие группировки (баксанская с ориентацией на Россию и кашкатавская — на Крым и Турцию) в 1750 г. кизлярской администрации удалось ликвидировать три года спустя. В знак примирения 15 владельцев и 26 узденей кашкатавской «партии» подписали присягу на верность России, что усилило позиции сторонников российской ориентации. Весной 1754 г. 5-тысячное войско калги Ширин-Гирея было разбито на берегу р. Кара-Су¹.

Наряду с Кабардой важное место в кавказской политике России и Турции занял Дагестан. Подтверждение тому — обращения султана Махмуда и объявившего себя шахом Ирана Исмаил-бека к владельцам Тарки, Дербента и Кайтага с призывом перейти на свою сторону, что, однако, осталось без последствий. Внимание противоборствующих сторон привлекло появление в Иране другого претендента на шахскую корону, выдававшего себя за шаха Султан Хусейна II. Если сей самозванец, гласила «Премемория» коллегии иностранных дел кизлярской администрации от 18 мая 1753 г. выдвинут Портой, то не исключена возможность, что под предлогом восстановления на троне «законного» шаха она может овладеть Прикаспийскими провинциями, «чего весьма не допускают интересы Российской империи»².

К середине 50-х гг. заметное место во внешней политике России заняли Осетия, Чечня и Ингушетия. После перегово-

ров с осетинским посольством в 1752 г. царизм усилил политику христианизации осетин, кабардинцев и ингушей как средство политического их приобщения к России. Однако поощрение переселения приверженных России кабардинских князей, безземельных осетин и ингушей на равнинные земли Притеречья, принадлежавшие чеченским князьям, обостряло отношения этих князей с ними и с кизлярской администрацией. Конфликт, возникший из-за нападений чеченских князей на подданных России и российские кордонные линии, удалось разрешить организацией военной экспедиции в Чечню в 1758 г.¹

С начала 60-х гг. кавказская проблема в восточной политике царизма приобретает более важное значение, чем это имело место до этих пор. В глазах правящих кругов России возрастает не только стратегическое, но и экономическое значение Кавказа в качестве объекта колониальной эксплуатации². Победоносное завершение войны с Пруссией, крайнее ослабление Турции и Крыма, представлявших «собой обломки прежнего величия»³, стимулировали активность восточной политики России. Главными звеньями этой политики стали кавказский вопрос и черноморская проблема.

Занятие междоусобицами в Кабарде и Дагестане, русское правительство усиливало своё влияние, оказывая покровительство местным владельцам и старшинам, охотно принимавшим российское подданство. В феврале 1762 г. от имени «всего народа» присягу на верность России дали 49 представителей Дагестана и Чечни. Летом того же года подданство России приняли переселившиеся на плоскость 500 дворов карабулаков⁴.

Крупным шагом на пути пророссийской ориентации осетин, ингушей и кабардинцев стал указ Сената от 2 октября 1762 г., определивший местом переселения для лиц местного происхождения, принявшим крещение, урочище Моздок, пригодный «к надёжному усилению Кизлярского края»⁵. Для поощрения переселения в Моздок было решено выплачивать старшинам и узденям «при первом случае единожды» по 10 руб., рядовым — по 5 руб., а холостым — 2,5 рубля.

¹ Головчанский С. Ф. Указ. соч. С. 101—102.

² Гарданов В. К. Присоединение Северного Кавказа к России // Народы Кавказа. М., 1960. С. 85.

³ Энгельс Ф. Вещная политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 17.

⁴ АВПР. Ф. 118. Оп. 118: Кизлярские и моздокские дела, 1762—1772. Д. 1. Л. 18; Ф. 121: Осетинские дела. Оп. 121. Д. 7. Л. 22—23 об., 26 с об., 53 с об.

⁵ ЦГАДА. Ф. 23: Кавказские дела. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1—2.

¹ АВПР. Ф. 89. Оп. 89/1. 1754. Д. 1. Л. 37—44.

² ЦГВИА. Ф. 20. 1/47. Д. 455. Л. 41 с об.

Одобрив решение Сената, Екатерина II повелела немедленно начать строительство крепости в урочище Моздок.

Однако с весны 1763 г., когда была заложена крепость Моздок, русско-турецкие и русско-кабардинские отношения приобрели сложный и напряженный характер. Строительство Моздока на пастбищных землях кабардинских князей в непосредственной близости от их родовых замков и массовое бегство крестившихся холопов в Моздок, где они освобождались от крепостной зависимости, получая права наравне с казаками, вызвало недовольство кабардинской знати, увидевшей в этом угрозу своим экономическим и политическим привилегиям¹. Хотя большинство кабардинских князей продолжало по-прежнему ориентироваться на Россию, среди части из них, в том числе баксанской «партии», началось сильное брожение. Требуя прекращения строительства Моздока и возвращения беглых холопов, они стали угрожать переселением из Кабарды и переходом в османо-крымское подданство, чем не замедлили воспользоваться Турция и Крым, активно поддержанные Францией, Швецией и Пруссией. В ноябре 1763 г. Порта потребовала от русского резидента «воспрепятствовать» строительству крепости, а заложившую основу — «уничтожить»².

Хотя в течение 1765 г. были приняты меры для укрепления Кизляра и Моздока, обстановка в регионе оставалась напряженной. Она достигла кризисной черты в декабре 1766 г., когда на сходах князей Большой и Малой Кабарды обсуждался вопрос о нападении на Моздок из-за отказа русского правительства срыть крепость и возвратить беглых холопов. Однако никакого решения принято не было, так как «уздени и подлый (простой — Н. С.) их народ все по домам разошлись до времени»³.

Декабрьские сходы кабардинских князей показали, что намерение напасть на Моздок и перейти на сторону Крыма не нашло поддержки у основной массы кабардинцев и черкесов — узденей и простого народа. На этой почве между князьями и их подданными возник острый конфликт, имевший не только социальную, но и внешнеполитическую окраску. В июне 1767 г., когда побуждаемые крымским ханом кабардинские князья решили переселиться в верховья Кумы, до 10 тыс. крестьян отказалось следовать за ними и осталось на р. Черек, откуда обратилось в Кизляр «для испрошения от России подкрепления»⁴.

¹ АВПР. Ф. 89. Оп. 89/8. Сношения России с Турцией. Д. 333. Л. 68.

² АВПР. Ф. 89. Оп. 89/8. 1763. Д. 336. Л. 104 с об.

³ ЦГА Даг. АССР. Ф. 379. Оп. 1. Ед. хр. 638. Л. 70.

⁴ Скитский Б. В. Холопий вопрос и антирусское движение кабар-

В таких условиях развернулась русско-турецкая война 1768—1774 гг. Надеясь на поддержку западных держав и воспользоваться создавшейся обстановкой в регионе, 25 сентября (6 октября) 1768 г. Турция объявила войну России. 4 ноября Россия объявила ответную войну Турции. В ходе войны для поддержки операций на европейских фронтах обе стороны предполагали использовать территорию и людские ресурсы Северного Кавказа: Турция — высадить крупный десант в районе Азова и Таганрога, присоединить к нему до 50 тыс. горцев Северного Кавказа и наступать в сторону Астрахани; Россия — выделить части генерал-лейтенанта Берга для действий от Дона на Юг и генерал-лейтенанта де Медема от Терека на Запад. Специальному отряду донских казаков ставилась задача занять Таганрог и Азов и двинуться на Крым. В районе Кизляра должен был действовать 40-тысячный корпус, чтобы «поднимать против турок кавказские племена и поддерживать возстающих»¹.

Военные действия начались в 1769 г. на трех фронтах: Подолнии, на Дону и на Кавказе. Блестящие победы русских войск под командованием П. А. Румянцева и А. В. Суворова предрешили исход войны на европейском театре. Переброшенная из Балтики в Средиземное море эскадра Г. А. Спиридонова разгромила турецкий флот в сражении при Чесме. Корпус Тотлебена прошёл через Дарьяльское ущелье и изгнал турок из Имеретии. В июне 1771 г. армия В. М. Долгорукого вступила в Евпаторию и заняла Кафу (Феодосия). Войска генерала Арбатова заняли Арабат, Керчь, Еникале в Крыму и Темрюк на Тамани. Война была проиграна Турцией, но она продолжала упорствовать в надежде на перелом на северокавказском направлении.

Значение Северного Кавказа, как театра военных действий, значительно возросло. 26 июня 169* г. у р. Калаус была разгромлена конница хана Керим-Гирея. Летом 1774 г. на р. Гунделен потерпели поражение турецко-крымские войска под командованием Девлет-Гирея. Накануне и в годы войны в российско-северокавказских отношениях произошёл новый качественный сдвиг. Фрондирующие кабардинские князья вернулись в подданство России, а отдельные из них вместе с чеченскими и кумыкскими князьями приняли участие в войне с Турцией на стороне России. Что касается простого народа, то ориентация на Россию трудовых масс оставалась последовательной и устойчивой. Подтверждение тому —

динских князей в пору «независимости» Кабарды (1739—1779). Владикавказ, 1930. С. 15.

¹ Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 94.

ж 1769

добровольное принятие подданства России Восточной Осетией и Ингушетией в начале 1770 г.¹

Важные события под влиянием одержанных русскими войсками побед произошли на Кубани и в Крыму. В начале 70-х гг. Кубанская орда и Крым отошли от Турции и пошли на сближение с Россией. 1 ноября 1772 г. хан Сахиб-Гирей и русский посол в Крыму Е. А. Щербинин подписали в Кара-Су 2 документа: «Декларацию» об отделении Крыма от Турции и «Союзный договор» между Россией и Турцией. 1-я статья этого договора гласила, что Крым и территория Орды остаются под властью крымского хана, принявшего покровительство России, избирающегося «от общего согласия всей области», но без вмешательства России и Турции. Для нас более важное значение имеет 3-я статья, фиксирующая принципиально новое положение: «Большая же и Малая Кабарды состоят в подданстве Российской империи»². Тем самым Кабарда, скованная статусом Белградского договора 1739 г., снова обрела покровительство России.

10 июля 1774 г. был подписан русско-турецкий Кючук-Кайнарджийский договор, признававший условия русско-крымского договора в Кара-Су относительно Крыма и подвластных хану земель. 21-я статья договора касалась Кабарды: «Обе Кабарды, то есть Большая и Малая,— подчеркивалось в ней, — по соседству с татарами, большую связь имеют с ханами крымскими; для чего принадлежность их императорскому российскому двору должна предоставлена быть на волю хана крымского, с советом его и с старшинами татарскими»³.

Фактически это означало признание возвращения Кабарды в подданство России, так как крымским ханом, определяющим «принадлежность» Кабарды России, являлся Сахиб-Гирей, сделавший это по русско-крымскому договору в Кара-Су. Хотя Порты и стоявшие за её спиной Англия и Франция пытались оспаривать это положение, ссылаясь на непризнание Портой договора в Кара-Су, Кючук-Кайнарджийский договор остался в силе. Этот договор, открывший выход России к Черному морю и предопределивший присоединение к ней не только Крыма, но и всего Кавказа, имел огромное значение для народов Северного Кавказа: отныне

был закрыт главный канал опустошительных набегов на Северный Кавказ.

В заключении диссертации сформулированы выводы, суть которых вкратце сводится к следующему:

Период с начала XVIII в. до середины 70-х гг. стал решающим в длительной борьбе за овладение Северным Кавказом между Россией, Турцией и Ираном. Место и роль региона в политике противоборствующих сторон, их стратегические цели, средства и методы решения поставленных задач ярче проявились в этот период, ставший переломным в исторических судьбах народов Северного Кавказа.

Главными факторами, определившими характер русско-иранских, русско-турецких и ирано-турецких отношений с начала XVIII в. стали освободительная борьба против нашествия османских и крымских феодалов на Кабарду (1700—1721 гг.), Каспийский поход Петра I (1722 г.), походы крымских ханов на Северный Кавказ (1733, 1735 гг.), завоевательные походы Надир-шаха в Дагестан (1734, 1735, 1741—1745 гг.) и их поражения, русско-турецкие войны 1735—1739 гг., 1768—1774 гг.

На общем фоне завоевательной политики Ирана и Турции политика России, предпочитавшей действовать «ласканием», а не силой, дипломатией вместо военной агрессии, выглядела предпочтительней, способствуя поражению гегемонистических замыслов иранских, османских и крымских феодалов. Хотя в развитии российско-северокавказских отношений имелись свои подъёмы и спады, в целом они характеризовались добровольным началом, взаимной заинтересованностью и нарастающим прогрессом.

Присоединение народов Северного Кавказа к России имело важное значение для обеспечения их безопасности. Несмотря на колониальные цели царизма, оно явилось крупнейшей исторической вехой, создавшей предпосылки для слияния их освободительной борьбы с усилиями русского народа, направленными на защиту южных границ и жизненных интересов на Востоке. В ходе совместных усилий, направленных на отражение агрессивных устремлений Ирана, Турции и Крыма, поддерживаемых западными державами, крепло боевое содружество, закладывались традиции взаимной помощи и поддержки, сохранившие свое значение для воспитания молодого поколения в духе патриотизма и интернационализма.

¹ Прозрителев Г. Борьба за овладение Северным Кавказом // СССР. Ставрополь, 1920. Т. 12. С. 16; Блиев М. М. Русско-осетинские отношения... С. 212—215.

² ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Л. 6; АВПР. Ф. 123: Сношения России с Крымом. Оп. 123/2. 1772. Д. 27. Л. 515.

³ ПСЗ. СПб., 1830. Т. 19. Док. 1464. С. 964.

Основное содержание диссертации изложено в следующих публикациях и депонированной работе:

1. К историографии вопроса «Внешнеполитические отношения Дагестана со странами Востока (Турция, Иран) в первой половине XVIII в. // Сб. аспирантских работ (гум. науки). Махачкала: Дагкиноиздат, 1966. Вып. 2 (1,5 п.л.).
2. Истоки дружбы (на кум. яз.). Альманах «Дружба». Махачкала: Дагкиноиздат, 1968, № 4 (0,8 п.л.).
3. К вопросу о политике Ирана и Турции в Дагестане в 40-х гг. XVIII в. // Вопросы истории и этнографии Дагестана: Сб. науч. сообщ. Махачкала: Изд-во Даггосуниверситета, 1972. № 2 (1,2 п.л.).
4. К вопросу о кавказской политике Ирана и Турции в Дагестане в первой трети XVIII в. // Вопросы истории и этнографии Дагестана: Сб. науч. сообщ. Махачкала, 1976. Вып. 6 (1,1 п.л.).
5. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в первой четверти XVIII в. // Народы Азии и Африки. М.: Наука, 1984. № 5 (1,2 п.л.).
6. Кавказ в политике Ирана, России и Турции в XVIII в. (по материалам иранских и турецких источников) // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения. М.: Наука, 1984 (1,2 п.л.).
7. К историографии вопроса русско-иранских и русско-турецких отношений на Северном Кавказе в первой половине XVIII в. // Актуальные вопросы историографии Востока нового и новейшего времени: Тезисы доклада на Всесоюзной конференции историков-востоковедов. М.: Наука, 1985 (0,2 п.л.).
8. Освободительная борьба народов Северного Кавказа в свете русско-иранских и русско-турецких отношений на Северном Кавказе в XVIII в. // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала: Дагкиноиздат, 1986 (1,3 п.л.).
9. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в 1750—1775 гг. // Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана / Региональная научная конференция. Махачкала, 1987 (0,2 п.л.).
10. Северный Кавказ в кавказской политике России, Ирана и Турции в XVIII в. (от Константинопольского договора до Кючук-Кайнарджийского мира: 1700—1774 гг.). (16,5 п.л.). Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР 5.06.1988 (УДК, 07003, № 34150).
11. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в период вхождения Дагестана в состав России (1722—1735 гг.) // Вопросы истории дореволюционного развития Дагестана. Махачкала: РИО Даггосуниверситета, 1989 (1,2 п.л.).
12. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в 1725—1745 гг. // Вопросы истории, 1989. № 8 (1,4 п.л.).
13. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в 1750—1775 гг. // Дагестан в составе России: исторические корни

дружбы народов России и Дагестана. Махачкала: ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, 1989 (0,5 п.л.).

14. Значение восточных источников для изучения истории народов Северного Кавказа в XVIII в. // Совершенствование содержания и методов обучения в университете в свете решений февральского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС «О ходе перестройки высшей школы и задачах партии по её осуществлению»: Тезисы доклада на университетской конференции. Махачкала: РИО Даггосуниверситета, 1989 (0,2 п.л.).

15. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях XVIII в. (от Константинопольского договора до Кючук-Кайнарджийского мира: 1700—1774 гг.) (монография принята к печати ГРВЛ изд-ва «Наука», 15 п.л.).